Сергей Протасов

ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЛЖНА БЫТЬ НАДЕЖДА

[СЛЕДОВАТЕЛЬ ТОКАРЕВ]

История вторая

Сергей Протасов

Обязательно должна быть надежда. Следователь Токарев. История вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29178656
ISBN 9785449031044

Аннотация

Вторая история о следователе Токареве отправляет нас в 2006 г. Город захлестнула волна дерзких убийств. События, как смерч, оставляя трупы и сломанные судьбы, втягивают своих жертв. За что они пострадали? Случайны ли роковые совпадения? Слепая жажда денег сводит наивного Романа Свекольникова с уголовником Комедией, в дело вмешивается странный отец Романа. С каждой следующей страницей события летят все стремительнее. Убийства обязательно будут раскрыты, оставив горечь утрат и надежду на прощение.

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 118
Конец ознакомительного фрагмента. 127

Обязательно должна быть надежда Следователь Токарев. История вторая

Сергей Протасов

© Сергей Протасов, 2018

ISBN 978-5-4490-3104-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая
Эдуард Свекольников

1

До дома оставалось не более двадцати минут пути, когда Свекольников заметил знакомого пожилого мужчину впереди, пытающегося прикурить на резком, морозном ветру. «Странно, – подумал Эдуард. – Что он тут делает в темноте? Почему курит?» Тем временем старик, старясь втянуть слабое пламя зажигалки, весь свернулся внутрь, захлопнул створки пальто, как огромный двустворчатый моллюск.

– Здравия желаю, Владилен Феликсович, товарищ бывший полковник, – весело окликнул человека Эдик, остановившись в полуметре за его спиной.

Моллюск вздрогнул, но не повернулся.

– Как же вам не стыдно-то? – не унимался на свою голову молодой человек. – Сигареты курите, по улицам ходите, а представляетесь слабым инвалидом. А ну-ка, кру-у-гом!

Фонари тускло освещали улицу сквозь плотный снег. Завернутая в пальто фигура выдала густое облако дымного пара и медленно повернулась. В лицо Эдика вцепились два колючих, маленьких, глубоко посаженных, глаза, подчеркну-

тых кривой неприятной улыбкой. Человек пристально разглядывал юношу, веселые искорки раскатывались в его зрачках.

– Так ведь я это… того… – настороженно прошамкал он. – За пирамидоном только вышел – и сразу назад. А что, нельзя? Почему же?

– Конечно, нельзя, – Эдик понял, что обознался, но не был уверен. – Вы живете-то, допустим, где? Как вы сюда, добрались? Это вы вообще?

– Само собой, я. Кто же еще? Я и есть, собственной персоной, у меня лично никаких сомнений нет и быть не может, – незнакомец тягучим голосом, как сладкой патокой, склеивал Эдика, не сводя острого взгляда. – Был бы не я, сразу бы так и сказал – мол, не я это, дорогой прохожий, не знаю вашего имени-отчества, обозналися вы. А так зачем же? А что?

– Ну, вы же не Бабин? Не Владилен Феликсович?

– Кто, я? Это как посмотреть…

– Извините, я вас, кажется, перепутал, – признал наконец Свекольников ошибку. – С одним старым полковником. Вы действительно очень на него похожи, почти как брат-близнец, только чуть моложе, по-моему. Извините еще раз, я тороплюсь очень, да и замерз. Пора мне.

– Стой! – незнакомец крепко схватил Эдика за рукав и выронил сигарету. – Подожди, сынок, не убегай. Ты сказал «близнец». Это же крайне важно! Брат! Нашелся? Не может быть! Вот так вот, ни с того ни с сего! Где он? Кто он? Как

его найти? Ты не понимаешь, это… – Он мелко затрясся, не в силах сдержать волнения. Его ноги подкосились и он повис, уцепившись одной рукой за Эдика, а другую приложив к сердцу.

– Да что ж это такое-то?! – почти прокричал молодой мужчина. – Держитесь давайте! Этого мне еще не хватало. Тут кафе совсем рядом, пойдем. Надо вызвать скорую!

– Не надо скорую, – хрипел похожий на полковника мужчина, закатив глаза, но не ослабляя хватки, – не надо! Мне уже лучше, лучше, сейчас пройдет. Это сердце.

Еле передвигавшего ногами незнакомца Свекольников, под неодобрительным взглядом официантки, затащил в кафе и бросил на свободный стул. Эдуард заказал себе кофе, а ему воды. Тот отогрелся, стянул с лысой головы вязаную черную шапочку, провел ею по лицу, проморгался и мелко затараторил:

– Такая радостная новость, вот сердце-то и екнуло. Я искал его всю жизнь и благодаря вам, кажется, нашел. Запомните эту дату, юноша, – 1 февраля 2006 года от Рождества Христова. Такая радость! Боже ты мой, уже и не чаял. Как замечательно, что мы встретились. Вот так вот, случайно. Почти как в песне: «В тревоге мирской суеты, – неожиданно пропел он. – Тебя я увидел, но тайна твои покрывала черты». Кто ты, таинственный незнакомец?

– Я-то понятно кто, а вас как прикажете…

– Мне без газа. Сейчас, конечно, больше подошел бы ко-

ньячек! – неожиданно, слабым еще голосом объявил дед, скосив глаза на поданную для него воду. Брови Свекольникова взлетели. – За встречу полагается. Или лучше водочки. Теоретически. Но, как говорится, пьянству бой. Так вот. Провидение мне вас послало, молодой человек. Других объяснений не нахожу. Только сегодня вещий сон видел. Вообразите: мороз под сорок, я бью в рельс, а рельс раскалывается, как ледяная скульптура, и осколки начинают таять. Это зимой-то! Просыпаюсь, думаю, как говорится, глядя в потолок остановившимся взглядом: «Что бы это могло значить? То ли дорога дальняя и казенный дом, то ли денежный перевод, известие или что еще». А?

– Не знаю. Я не разбираюсь в толкованиях. Вам сонник купить надо.

– Да чего тут разбираться? – голос деда постепенно наполнялся силой. – Пойми же ты, я искал брата всю жизнь. Что смотришь? Ясно тебе это или нет?

Пораженный напором, Эдуард кивнул, разглядывая широкий лоб, хищный крючковатый нос, ввалившийся рот, тонкие губы и глубокие носогубные складки нового знакомого.

– Ничего не знал о нем почти с рождения, знал только, что у меня есть где-то старший брат. Должен быть. Мы действительно очень похожи, так мамочка говорила. Всё как в индийском кино, – усмехнулся младший, видимо поймав вдохновение. – Разлученные цыганами дети. У одного – блестя-

щая карьера и богатое наследство, а у другого (я про себя) – бродяжничество, детский дом, украденная булка хлеба, суд, колония общего режима – всё как у Жана Вальжана, – он показал расплывшиеся татуировки на пальцах левой руки. – Видал? Потом карьера ученого, орден Ленина, закрытый институт, Академия наук, дача с видом на озеро в Солнечногорском районе. Было-было, не ерзай, парень, не мороси. Потом обратно наступила черная полоса. Загранкомандировка в Америку, неудачная попытка вербовки, погоня. В Москве разбираться не любят, отняли и орден, и дачу, и квартиру на Тверской-Ямской. Не могу тебе всего рассказать, сам понимаешь, ядерная физика – штука секретная. Зачем тебе проблемы? – Он глубоко вздохнул, шумно выдохнул и одним махом забросил в себя воду из стакана. – Ладно, это дела прошлые. Расскажи мне, что у брата. Как думаешь, обрадуется он мне?

– Обрадуется, конечно, – неуверенно подтвердил Эдуард. – Куда ж он денется-то? Обязан обрадоваться. Он же одинокий. Ни друзей, ни родственников, еле ползает, нуждается в уходе. Я сам-то социальный служащий, помогаю ему дважды в неделю. Магазин там, лекарства, все такое, согласно перечню…

– Чаевые всякие?

– Вообще-то нам запрещено…

– А где он живет?

«Я не должен этого говорить, – сообразил Эдик. – Вот сей-

час встану и уйду, скажу, что позвонить нужно, что сразу вернусь, а сам уйду – и все».

– В центре. У него большая квартира, – услышал он свой голос.

– Ого! И живет один?

– Один, я же объясняю. Он бывший полковник ядерных войск вроде.

– Ядерщик, значит. Видишь, это у нас на генетическом уровне, – обрадовался неожиданному доказательству старик. – Он ядерщик, и я ядерщик. Бывает же совпадение!

– Действительно, надо же – сразу два ядерщика… – Эдуард словно принял сыворотку правды и не владел собой. Вопреки здравому смыслу молол все что ни попадя, стараясь зачем-то еще и понравиться жутковатому собеседнику: – Так вот, детей у них вроде не было, ядерная радиация, наверное, поспособствовала, точно не знаю. Жена умерла пару лет назад от старости, вследствие естественных причин. Родители, ясное дело, в могиле давно, непонятно где. Братья-сестры, тетки-дядьки, если и были, то покоятся тоже. О других родственниках ничего не известно, наверное, тоже дуба дали по месту проживания. Сплошной погост, куда ни кинешь глазом, получается.

– Ух ты, сильно! Тогда действительно обрадуется. Слушай, как тебя зовут-то все-таки?

– Эдуард.

– Надо же, и меня Эдуард. Слушай, тезка, ты дай мне его

адрес, но ничего ему не говори. Хорошо? Я сам его навещу. Такая радость – брат нашелся. Бывает же везение! Согласен? Не скажешь ему?

– Не скажу. Он живет на Кирова, дом 14, квартира 25. Только вы смотрите, аккуратнее, он слабый очень, может не пережить радости. У нас случай был курьезный, еще до меня, лет пять назад. Сейчас будете смеяться, – уверенно предположил Свекольников и сам пакостно хихикнул. – Одна сотрудница – она уже не работает, конечно, – пошла в магазин, что ли, или в аптеку, возвращается, а бабуля, за которой она ухаживала, ласты склеила ни с того ни с сего. Лежит в полный рост на кровати, мертвая.

– Действительно, очень смешно.

– Что вы! Сотрудница, само собой, вызвала скорую и милицию, все как положено. Так первая и попала под подозрение. Наручники на нее надели – и в КПЗ. Представляете? Ни за что! Чуть не посадили.

– Это они могут.

– Ага. Предъявили обвинение, что, мол, нарочно довела пожилую женщину до смерти, чтоб квартирой завладеть.

– Невероятно!

– Да, не то слово! Ведь никаких завещаний и дарственных-то на нашу работницу оформлено не было. Как завладеешь-то? Еле-еле вырвалась она от них. Начальство характеристики положительные писало, к следователю ходило. Слава богу, нашлась другая женщина, на которую покойница

составила договор пожизненной ренты, но там все чисто. В итоге обвинение сняли, сотрудницу отпустили. Говорят, она под краской поседела сразу вся и затем резко уволилась. Теперь, я слышал, она в риелторы подалась. Так вот, что самое интересное-то…

– Да, бывает-бывает. Ладно, Эдуард, погоди со своими случаями, пора мне. Ты вот что – когда к брату моему, вновь обретенному, собираешься?

– Завтра четверг? Завтра должен идти, а так обычно по вторникам и четвергам. Он специально продукты и лекарства рассчитывает под мой приход и все такое.

– Понятно, – родственник упруго поднялся. – Давай, как договорились – молчок. Пошел я. Будь здоров, тезка, держи оборону.

Усилившийся снег, подхваченный ветром, косо заштриховал темный окружающий мир. Свекольников вышел из кафе, надвинул поглубже мохнатую шапку-ушанку, подтянул толстый шарф и задумчиво продолжил прерванный путь, продавливая по свежему снегу отпечатки больших ботинок как неоспоримый факт своего существования на белом свете.

2

С той стороны замутненного конденсатом зеркала смотрели тусклые, пустые глаза, еле заметные на размазанном,

несимпатичном спросонья лице молодого мужчины, разбуженного несколько минут назад. Эдик медленно повернулся анфас влево, придирчиво рассмотрел себя, потом анфас вправо. Изобразил предельно широкую зубастую улыбку. Капля, стекающая по стеклу, прошла через отражение глаза – показалось, что зазеркальный двойник, как злобный клоун, фальшиво плачет. Словно некто знакомый из другого мира, спрятавший физиономию под ощерившейся маской, от скуки считывал мысли Эдика, стараясь угадать то, что будет дальше, и, угадав, глумливо ухмылялся, мол: «Жаль мне тебя, парень, до слез. Посмотри, я плачу. Пропадешь ни за грош. Ну так туда тебе и дорога». Маска в зеркале как будто подмигнула, и Свекольников оторопел.

– Эдуард! – услышал он голос матери из-за двери ванной комнаты. – Оладьи же остывают.

Молодой человек вздрогнул, мотнул головой, отгоняя наваждение.

– Иду, минуту, – громко ответил он и, опустив лицо в ладони, полные ледяной воды, совсем тихо добавил: – Ничего, скоро все будет по-другому. Главное – терпение.

Последние его слова не расслышал даже тот, в зеркале. Они, превратившись в бульканье, пузырьками укатились в канализацию.

Эдуард бережно вытерся теплым уютным полотенцем и снова уставился на свое отражение. Теперь зеркало показало надменного, жестокого диктатора. Правильный овал ли-

ца, прямой короткий нос, средних размеров серые, прозрачные глаза с точками черных зрачков, редкие светлые волосы. Надменность лицу придала намеренно выдвинутая нижняя челюсть. «Как Муссолини», – мелькнуло в голове. Таким он себе нравился больше.

Каждое утро мама готовила Эдуарду кофе, а к нему оладьи, тосты или сырники. Она нарочно просыпалась на час раньше, чтобы сын смог отправиться на работу сытым и ухоженным. После расставания с мужем вся ее нерастраченная нежность, словно обильный водопад, устремилась на двадцатипятилетнего ребенка. Сын растворялся в этой нежности, как в серной кислоте, теряя индивидуальность, но набираясь при этом какой-то неизвестно откуда взявшейся важности и резкости.

– Со сметаной? – капризно оглядел стол переросток.

– А ты хотел со сгущенкой? – встревожилась Анна Вениаминовна. – Или с джемом?

– Да ничего я не хотел. Не суетись, мам. Пусть будут со сметаной. Без разницы! Так спросил.

– Что у тебя на работе сегодня? – мать внимательно вглядывалась в беспокойные глаза сына. – Какие планы?

– Сегодня работа в полях. Обхожу своих пеньков, – брезгливо ответил Эдик. – Так воняет от них, не поверишь, – он поморщился. – Терпеть не могу.

– Скоро три года будет, как ты работаешь, и еще не привык? Ты делаешь большое, благородное, если угодно, хри-

стианское дело – помогаешь слабым и немощным людям. Самое главное…

– Что денег нет, – иронично продолжил сын, склонный к пространным монологам. Лицо его исказила сложная гримаса, составленная из отвращения к самому себе и злорадства, мол, я так и знал, что у меня никогда ничего не получится. – Работаешь за гроши. Если бы платили за эту работу нормально… Кофе добавь мне, пожалуйста. Ходишь к ним, смотришь за ними, продукты носишь. Слушаешь их бесконечные жалобы и рассказы о лекарствах, врачах, поликлиниках, болезнях. Одной отчетности мегатонны. А толку? У некоторых пенсии выше, чем я получаю зарплату. Представляешь? Есть полковник один бывший, круглый сирота, как я думал до вчерашнего вечера; служил, говорит, сначала на Дальнем Востоке, потом в нашем городе, пенсия почти сорок тысяч. Сорок! Понимаешь? Где справедливость? Живет один в огромной квартире. Потолки метров пять или выше. И всю свою пенсию тратит на какие-то книги или другую ерунду. И еще жалуется, мол, не хватает ему средств. Захламил все, паркет вздулся, не моется…

– У него родственники появились?

– Да, именно что появились. Словно ворон ударился о тротуар и обратился в родного брата полковника. Вспышка, дым и… – Эдуард сделал голос объемным и низким: – «Здравствуйте, я посланник потустороннего мира, прибыл с миссией добра!» Весьма неприятный господин.

– Так это же замечательно – брат все-таки.

– Да-да. Тихий ужас. Стоило устраиваться на эту идиотскую госслужбу за такие деньги? Конкурс еще надо было проходить, антикоррупционное собеседование, помнишь? За оклад в пять тысяч в месяц. Цирк! Зачем ты меня туда засунула, для чего такие страдания? Когда они ориентировочно воздадутся мне сторицей? Кстати, состав и объем «сторицы» этой хотелось бы представлять.

Анна Вениаминовна грустно смотрела на сына, набивающего рот оладьями, и пыталась придумать ответ. Она отвернулась к окну. Светало. Крупные, медленные хлопья снега высвечивались в желтых лучах уличного фонаря. «Ветер за ночь прекратился, – подумала она. – Сил нет смотреть на этот снег, валит и валит бесконечно. Скорее бы весна». Женщина зябко поежилась.

– Ты никогда не будешь чувствовать себя счастливым, если не научишься любить людей. Родных, друзей, коллег, подопечных своих, случайных прохожих.

– Любить? – он захотел пакостно сострить, но передумал. – Интересно за что же?

– Да-да, именно любить. Не спорь. Людей обязательно нужно любить. Прощать им их несовершенство, но всегда уметь находить в них хорошее. Это такая глубокая внутренняя работа. Во всех людях есть как хорошее, так и плохое. И в тебе, и во мне, это нормально. Все вокруг без исключений, и ты, и я – все хотят любви, несмотря на все свои поро-

ки. Наверное, можно разглядеть в твоих подопечных много чего интересного, трогательного и возвышенного, доброго, в конце концов. Того, за что они станут тебе приятны, даже вопреки своим недостаткам. У многих интересные судьбы, перенесенные страдания, возможно, даже подвиги. А что? Если ты станешь относиться к ним с нежностью и любовью от чистого сердца, искренне ко всем, тебе самому станет легче жить и работать. Появится новый высокий смысл служения людям, трудный ежедневный подвиг через любовь позволит тебе иначе взглянуть на то, чем ты занимаешься. Чем не цель жизни? Пройдут озлобленность, зависть, постоянное ощущение агрессивности мира вокруг. Все дело именно в любви. Я уверена, что Бог обязательно воздаст тебе по заслугам, именно по заслугам, причем воздаяние придет оттуда, откуда его и не ожидаешь.

– Бог – это любовь, ты хочешь сказать? – с легким сарказмом продекламировал Эдуард. – Свежая теория.

– Да, Бог – это любовь, а любовь – это счастье. Всё просто. Ты никогда не станешь счастливым, если не научишься любить людей.

– И негодяев с подлецами?

– Возможно, даже и негодяев. И прощать, и любить, в том числе свою любовь к этим людям любить, то есть и себя любить. И деньги тебя счастливым не сделают без любви.

– Мне бы миллионов десять в валюте, и я бы всех полюбил. Одно же другому не мешает? Честное слово! Постро-

ил бы вокруг себя стену метров двадцать с колючей проволокой под напряжением и любил бы на безопасном расстоянии. Чтобы кто-нибудь из тех, кого я люблю, не подкрался сзади с дубиной или не стянул то, что я плохо положил. Деньги – вот фундамент любой любви и основа счастья в его наличном выражении. Чем больше денег, тем больше любви, такова сегодня главная парадигма всего вокруг. И никто меня не переубедит.

– А жаль. Чего ты все о деньгах? Разве нам с тобой не хватает? Я достаточно зарабатываю, чтобы ты имел возможность делать карьеру, расти, формировать себя.

– Нет, мама, послушай. Только состоятельный человек может быть великодушным и щедрым, – сын положил вилку и снисходительно посмотрел на мать. – Если мне не хватает на еду, я буду занят исключительно добыванием себе пропитания, если негде жить – жилья. Все это приобретается с помощью денег, а денег, как известно, на всех не хватает. То есть их нужно, фигурально выражаясь, отобрать у других, в том числе отобрать и карьеру, и возможности. Желающих-то много. Тут уж не до любви, когда постоянная борьба. Кому я могу помочь? Никому. Другое дело, когда я уже богат! – Он, как сытый кот, зажмурился от удовольствия. – Сразу масса возможностей помогать людям. Мне никогда не будет жалко отдать лишнее нуждающимся. Убедительно? Нельзя просить голодного поделиться хлебом с чужим человеком. Вернее, просить-то можно, но бессмысленно, он

не поделится, такова практика. Так что дайте мне сначала деньги, побольше, чтоб хватило, а потом требуйте любовь. Наоборот не бывает, – он откинулся на спинку стула, озарив пространство вокруг довольной улыбкой умственного превосходства.

Мать не нашлась, что ответить. Ничего из того, что она скажет, не убедит и не успокоит его. Очень жаль, не глупый же парень. Один и тот же разговор в разных вариациях повторялся регулярно и безрезультатно. Она смотрела в пустые глаза сына, не вникая, следила за его артикуляцией.

– Мам, ты меня слушаешь?

– Конечно.

– Я говорю, сорок тысяч! А толку? Помнишь Пашу из моего класса? Круглый весь такой. Вот устроился чувак! Представляешь? Отслужил в армии, помыкался и поступил в милицию, в ППС, и уже купил белую «бэху трешку» с автоматом. За два с небольшим года службы, причем без высшего образования. Заметь, новую! Женился, ребенок у него, живет в свое удовольствие, девочек приглашает на съемную квартиру. Говорит, через пару лет будет и дача. Всего двадцать пять парню, а так высоко поднялся. Вот кто счастливый! Везет же!

– Там теперь хорошо платить стали? – рассеянно уточнила Анна Вениаминовна.

– «Платить», – высокомерно передразнил мать Эдуард. – Хачей трясет на рынке, они и платят хорошо. Они с коллега-

ми обложили рынок около «Авроры», где строительные материалы и продукты. А чего? Работа непыльная, ксива есть, при оружии и с дубиной. Еще у него есть проекты. Власть – это сила! Ксива всегда прокормит, – его глаза блеснули алчным огнем недавно обретенной мудрости. – Заметь, никакого образования не нужно, а мужик при деньгах. Младший сержант уже, нормально устроился! Отлично даже!

– Нормально? – печально переспросила Анна Вениаминовна. – Людей грабить – это, по-твоему, нормально?

– Каких людей, это же черные! – искренне изумился сын маминой наивности. – Жируют на нашей земле, так пусть и платят. А не нравится – никто их сюда не звал и не держит тут. Родина их всех ждет домой. Пусть мотают обратно в горы, в аулы и там строят счастливую жизнь по собственным правилам.

Он отодвинул тарелку, поднялся и поцеловал мать в щеку.

– Ладно, извини, мамочка. Вечером обязательно договорим, тема интересная. Пора мне на работу, сегодня еще три или четыре адреса. Пойду любить этих списанных, но не утилизированных людей.

– Ты папе звонил? Ему в воскресенье пятьдесят.

– Он сам звонил, приглашал в гости, но я не хочу ехать, – на лице сына отразилась внутренняя борьба любопытства с преданностью. – После всего, что он сделал.

– А ты съезди все-таки. Сейчас он как будто не пьет.

– Я подумаю. Да, кстати, у нас сегодня после работы ме-

роприятие, день рождения сотрудницы, так что я задержусь. Ты не волнуйся. Спасибо за завтрак и хорошего тебя дня.

Когда захлопнулась входная дверь, Анна Вениаминовна тяжело вздохнула и медленно подошла к окну. Высокий, коренастый Эдик, перехваченный ремнем портфеля через туловище, бодро удалялся в сторону проспекта по расчищенной от снега дорожке. По традиции на углу он развернулся на сто восемьдесят градусов и помахал маме рукой. Что в его голове? Когда Эдик был маленьким, мать практически всегда знала, чем живет ее сын, что давало ощущение спокойствия и уверенности. Теперь все поменялось.

Она помахала сыну в ответ и подумала: «Каждый прожитый день – как песчинка, падающая из верхней емкости песочных часов в нижнюю. Смотришь, как она пролетает и шлепается на горку других песчинок – прожитых ранее и давно забытых дней, и не можешь угадать, сколько же их там сверху еще осталось, Бог даст – много, а иногда надеешься, что эта была последней».

Робкое, восприимчивое материнское сердце замирало в ожидании чего-то плохого, надвигающегося на ее сына. Чего-то, что нельзя не заметить и невозможно отвести, когда остается только закрыть глаза, молиться, надеяться и ожидать каждый миг последнего удара. Как человек, стоящий на пути цунами, огромной волны весом в миллионы тонн, понимает неизбежность страшной гибели через несколько секунд.

Резким движением женщина задернула штору и пошла собираться на работу.

3

Семь остановок на трамвае, десять минут пешком – и Эдуард Романович Свекольников с букетом роз, заботливо упакованных в несколько слоев оберточной бумаги, уже открывал дверь кабинета, отмеченную табличкой «Отдел социального обеспечения», на втором этаже районной управы.

Его стол, один из пяти находившихся в комнате, отличался от других идеальным порядком. Старенький монитор, клавиатура с мышью, телефон, ежедневник, стакан с авторучками – это все, что располагалось на его поверхности. Бесчисленные бумаги, с которыми приходилось работать, хранились разобранными в пронумерованных и подписанных папках в столе и на подоконнике. Свекольников любит порядок на рабочем месте и в делах.

Он набрал воды в трехлитровую банку, служившую рабочей вазой, развернул и подрезал цветы, опустил их в воду и установил банку на столе Маши.

Темно-бордовые, почти черные розы с блестящими выпуклыми каплями воды выглядели неестественно живыми и свежими среди офисного мертвого пространства, окруженного бесконечной белой, завывающей от натуги и холода зимой. Он наклонился, разглядывая прожилки лепестков,

и уловил тонкий сладкий запах, источаемый нежными бутонами. Она придет и удивится цветам, не зная еще, кто их принес. Будет думать, забавно крутить головой и не догадается. Конечно, догадается! Эдуард улыбнулся, воображая ее растерянный вид и благодарную улыбку, когда она поймет, чьих это рук дело.

Он всегда приходил на работу раньше всех, грел чайник и готовил себе кофе. Усаживался, не спеша вынимал документы и принимался составлять в ежедневнике план своей работы на день. Пятнадцать-двадцать минут полной тишины и одиночества были самым любимым его временем. Эдик успевал настроиться, ощутить важность своей персоны и даже немножко помечтать.

«Съезди все-таки…» – крутилась в голове странная просьба матери. Он достал из нижнего ящика стола старую общую тетрадь, раскрыл на середине и взял цветную фотографию. На ней таращился маленький симпатичный мальчик с пластмассовым пистолетиком в руке, сидящий на коленях отца. Отец застыл с чайной ложкой, поднесенной к плотно сжатому рту смешного малыша. Они оба улыбались, дурачились, заметив, что их снимают. Эдуард с минуту внимательно рассматривал фото, близко поднеся к глазам и вглядываясь в каждую его деталь. Он точно помнил, как был счастлив тогда. Сейчас то давнишнее, но навсегда сохраненное в душе счастье казалось ему невыразимо огромным и ярким, наполнявшим его тело до последней клеточки, заливав-

шим каждый день детства. Теплота, забота, ощущение любви и безопасности, распространявшиеся на все бесконечное будущее. Жаль, что ничего этого сейчас нет и, скорее всего, уже никогда не будет. Никогда? Подкатили слезы, горло сдавил спазм, стало трудно дышать. За прошедшие с момента ухода отца одиннадцать лет он так и не смог привыкнуть к его постоянному отсутствию. Виделись они потом всего раза два или три, да и то вскользь. Почти не говорили. Эдуард не мог простить предательства, еще тогда подробно и многократно объясненного матерью. Не имеющее границ уважение, даже обожествление отца, словно повинуясь тумблеру переключателя в голове четырнадцатилетнего подростка, разом сменилось отвращением. Однако по мере взросления ненависть естественным образом стала уступать место любопытству. Все хорошее, накопленное за время совместной жизни и однажды вытесненное, постепенно возвращалось.

Один их разговор, один из последних и тогда не понятый, но позднее осмысленный, часто всплывал в памяти, побуждая к действию.

«Запомни, сынок, для того чтобы что-то получить и чего-то добиться, нужно всего лишь очень сильно захотеть, а если уж захотел, то что-то делать. Хоть что-нибудь, но обязательно делать, – отец держал сына за руку, но рассеянно смотрел то ли в сторону, то ли вглубь себя. – Это правило не знает исключений, поверь мне».

«Я очень-очень хочу!»

«Чего же?»

«Стать сильным, чтоб от меня ребята в школе отстали и больше не лезли», – голос мальчика дрогнул от нахлынувших обидных и унизительных воспоминаний.

«Ясно, – отец вздохнул. – И что ты делаешь, чтобы стать сильным?»

«Ничего пока. А что я могу?»

«Ну, не знаю. Тренироваться, может быть, качаться, набивать кулаки. Есть секции самбо, карате, бокса. Там учат постоять за себя и мальчишек, и девчонок. В конце концов, бегом можно заняться, тоже вариант».

«Надо подумать, – без энтузиазма протянул подросток. – Хорошая мысль».

«Согласен, неплохая».

Они замолчали, разговор расклеился. Эдик и сам знал, что нужно тренироваться, но ленился. Он ждал от отца какого-то невероятного совета, который позволит избавиться от назойливых одноклассников, не прикладывая особых усилий. Догадывался, конечно, что такого способа нет, но все-таки надеялся. «Легко ему говорить, – думал он. – Большой и сильный мужик, бывший боксер, никто к нему не пристанет, да и нет среди взрослых таких глупых отношений, как в школе».

«Ничего ты, сынок, не хочешь, – прервал паузу отец. В его голосе слышалось обидное разочарование, от которого подростка затрясло. – А жаль, в твоем возрасте все возможно,

были бы желание, силы и время. Сил и времени у тебя с избытком, а вот желания…»

«Я хочу», – с вызовом возразил сын.

«Нет, не думаю. Если чего-то хочешь, но ничего для этого не предпринимаешь три дня, значит, не хочешь».

«Именно три дня?»

«Ну, примерно, плюс-минус день. Так я для себя установил – „Правило трех дней“. Главное – признаться, что на самом деле не хочешь, не тешить себя иллюзиями и идти дальше. Когда-нибудь ты поймешь, что из таких вот „хочу, но не могу себя заставить“ и составляется путь неудачника, всю жизнь ожидающего чуда и страдающего от зависти к тем, кто делает и добивается. Завистливый человек никогда не сможет простить окружающим своей несостоятельности. Правда, и здесь есть исключения».

«Какие?» – автоматически спросил подросток, потерявший интерес к очередным нравоучениям.

«Если ты замыслил что-то плохое, то лучше, чтобы у тебя не хватило этого самого желания. Иногда лень полезна, как ни странно. Вот только сможешь ли ты разобраться, что такое хорошо и что такое плохо, прежде чем начнешь отсчет своих трех дней на первый шаг?»

Сын аккуратно освободил свою ладонь.

«Ладно, пап, мне уроки нужно делать. Давай потом договорим?»

«Ничего не бывает потом, – задумчиво сказал зафилософ-

ствовавшийся отец, потом улыбнулся. – Конечно, делай уроки, все будет хорошо».

* * *

В начале десятого стали подтягиваться остальные трое сотрудников, вернее сотрудниц, – дамы разного возраста, среди которых была симпатичная Маша Горлова, отмечающая сегодня двадцать третий день рождения. «Ее я, пожалуй, готов полюбить вместе со всеми недостатками, – подумал Эдик, в который раз оглядев Машину тоненькую фигурку. – Но этих?»

К десяти появилась и сама длинная, анорексичная начальница, занимавшая большой стол у противоположной от входа стены. Она раздвинула горы бумаг, в том числе пожелтевших и порядочно запылившихся, освободила на столе пятачок размером с тетрадный лист и выставила на него косметические инструменты.

Так всегда начинался рабочий день отдела.

– Вероника Витальевна, я сегодня по графику на территории. У меня трое. Вернусь, думаю к четырем-пяти, – сообщил Эдик начальнице. Он уже оделся и не торопясь укладывал в портфель документы.

– Хорошо, Эдуард Романович, если не будете успевать, обязательно позвоните, предупредите. Вы не забыли? Сегодня у Машеньки праздник. Она приглашает нас отметить это

событие в ресторане после работы. Да, Машуль?

– Я смотрю, у тебя новые сережки с бриллиантами и колечко, – вклинилась Ирина Анатольевна. – Жених подарил?

– Это подарок родителей, – четко ответила Маша. – Вернее, отца. Нравится? Дать поносить?

– Обойдемся! Не жили богато и… сама понимаешь. Не всем же.

– Я заказала столик на шесть в «Марселе», – Маша повернулась к Свекольникову. – Приходите, Эдуард, и спасибо за цветы, – она тепло ему улыбнулась. – Теперь вы не сможете отказаться.

– Женихом можешь ты не быть, но на дне рождения быть обязан, – громко продекламировала толстая Ирина, предвкушавшая выпивку за чужой счет. – Правда? – Все промолчали. – Ну, а что?

Повисла неловкая пауза.

– Обязательно приду, – он скользнул взглядом по комнате, зацепившись на долю секунды за выразительные зеленые Машины глаза. – Всем до вечера. Пока!

Никто не ответил.

– Хороший парень Эдик, спокойный, неглупый, аккуратный, – произнесла из своего угла Ирина, когда за Эдиком закрылась дверь. – Хорошим мужем может стать.

– В тихом омуте, – откликнулась сидящая через стол мудрая Елена Сергеевна Петрушевич, самая старшая в отделе сотрудница, и посмотрела вправо на Машу. – Все они хоро-

шие. Вот у меня, у племянницы, у ее дочери, второго мужа сестры был случай на работе.

– У кого? – начальница Вероника Витальевна отвела от лица в разные стороны руки, в одной из которых было зеркальце, а в другой какая-то кисточка.

– Да не важно, вы его не знаете, – продолжала усатая Петрушевич. – Примечательная в своем роде история, доложу я вам. Так вот. Пришел молодой парень на работу, а оказался мошенником. Я деталей точно не знаю, только он деньги вроде украл или собирался, а с виду приличный такой, хотя я его не видела.

– Да, бывает, – подтвердила Ирина и прошлась по кабинету, задевая по пути мебель широкими бедрами. – Сразу и не поймешь. Но у меня глаз наметан и интуиция – будь здоров, я всегда таких вижу. Я, может быть, великого образования не имею, но в жизненных науках – профессор психологии.

– Бред какой-то, – тихо пробурчала Маша.

– Машуль, а он тебе нравится? – тихо пробасила Ирина, обнюхивая розы и настраиваясь на конфликт.

– Кто, Ирина Анатольевна? – раздраженно вскинула глаза девушка.

– Ну кто… Эдик, конечно.

– А вам?

– Что мне?

– Вам нравится? Если нравится, вот и берите себе его. Ме-

зальянсы сейчас в тренде, – маленькая Маша твердо и с вызовом посмотрела в глаза Ирины Анатольевны. – Вопросы будут?

– Может быть, поработаем? – свернула беседу завершившая утренний макияж начальница. – Дел полно, все разговоры вечером.

Женщины погрузились в работу, кабинет наполнился взаимной неприязнью и несмолкаемыми трелями телефонных звонков.

4

Со школы Эдуард мечтал о работе в милиции. Он сознательно поступил в юридический колледж, кое-как закончил его, стремился в армию, но не прошел по медицинским параметрам. Какие-то неощутимые шумы в сердце поставили крест на его мечте. Из всех ребят в классе он единственный, кто не бегал от службы, и, как назло, именно его и забраковали. Обидный парадокс. То, что в течение нескольких лет до краев заполняло его душу, мгновенно улетучилось, оставив взамен пустоту, требующую скорейшего насыщения.

Не сказать, что стремление в силовые структуры определялось исключительно жаждой борьбы за справедливость или желанием круглосуточно охранять мирный сон граждан за символическую зарплату. Скорее, наоборот – он искал надежный, необременительный способ обогащения, но и по-

мощь спящим гражданам не вызывала в нем отторжения.

Мечта рухнула, и Эдуард впал в уныние и глубокую депрессию. С огромным трудом матери удалось пробудить в нем интерес к жизни, предложить ему другой путь к той же цели. Понимая, что сама цель ущербна, но не имея другого средства к спасению, она принялась подыгрывать сыну и предложила альтернативный вариант. Он поступил в местный политех на социологический факультет, через пару лет перевелся на вечерний и устроился на работу в собес. В дальнейшем он рассчитывал, зацепившись за госслужбу, каким-то, пока ему неведомым, образом перебраться в прокуратуру или куда-то еще, где работа заключается в контроле и надзоре. Путь небыстрый, и деятельный мозг нашего героя, вооруженный отцовским «правилом трех дней», искал любые возможности попутных заработков.

* * *

В ожидании вечернего мероприятия, на котором ему, может быть, представится возможность потанцевать с Машей, Эдуард улыбался, с удовольствием рассматривая прохожих. Предвкушение чего-то нового и приятного тонкой вибрацией добавило радостную нотку его душе. Он шел к своему школьному товарищу. Именно в Юриной квартире сегодня договорились собраться участники нехитрого, но обещающего вскоре быть исключительно выгодным предприятия.

Стрелка часов приближалась к десяти. Эдик, в позе памятника Ленину на центральной площади, не отрывая пальца от кнопки звонка, заливал раздраженной трелью недра квартиры своего приятеля, но тот не открывал уже несколько минут. Волна злости постепенно вытеснила сладкое ожидание. Он перестал звонить и сильно ударил кулаком в дверь.

– Открывай давай! – с обидой прокричал Свекольников в замочную скважину. – Не откроешь – уйду!

Тишина. Эдик перестал звонить и на секунду замер, прислушиваясь и преодолевая искушение плюнуть в глазок, чтоб этим поставить точку. Плевать передумал, а когда уже развернулся уходить, дверь отворилась, и он увидел помятую полуголую девушку, закрывавшую грудь свободной рукой.

– А, это ты, – щуря глаза, безразлично проговорила она и опустила свободную руку. – Зачем шумишь? Проходи туда, – она показала направо, а сама пошла в спальню. – Юра, вставай, Эдуард пришел.

– Что? Кто? Что ему надо? Да пошел он… – услышал Свекольников по пути на кухню.

«Нормально договорились», – подумал он и включил чайник.

Прислушиваясь к возне в спальне, Эдуард размышлял о внезапной проблеме, возникшей накануне. Из головы не выходили проницательные, блестящие, как клинок, глаза Бабина-младшего, его странные манеры и неправдоподобная история.

– Кать! – крикнул он. – Иди сюда!

В шелковом халате и тапочках с глазами и ушами кролика, Катя прошла на кухню.

– Были вчера у деда?

– Да, – девушка доставала чашки и насыпала в них кофе. – Будешь?

– Только без сахара, с молоком. И как прошла встреча?

– Нормально.

– Расскажешь?

– Сейчас, кофе сделаю. Юр, я наливаю! Или Пашу подождем? Не будем? – она выставила чашки на стол, достала из холодильника хлеб, колбасу и джем. – А чего рассказывать? Позвонили в дверь, он открыл. Нормальный дедушка, настоящий полковник, гостеприимный, даже не поинтересовался, кто звонит. Я назвалась представителем риелторской фирмы, Юра – адвокатом. Все культурно, спокойно. Зашли, чуть чаю не попили. Сказали – так и так, у нас, то есть у фирмы, которую мы представляем, есть покупатель и предложение заключить с ним договор ренты пожизненного содержания на ну очень выгодных условиях. Всё как обговаривали. Колбасу бери.

– Спасибо. Во сколько приходили?

– Около девяти вечера, в начале десятого, – дополнил отчет подошедший Юра. – Он, когда понял, зачем мы явились, впал в ажитацию. Привет, Эд! Побелел и затрясся весь, словно услышал трансцендентное что-то. Потом его поведение

стало совсем девиантным, заверещал в пароксизме колоратурным сопрано что есть мóчи – мол, ни о какой ренте слыхом не слыхивал и ничего такого ему не надо, что милицию сейчас вызовет. Неофобия, короче, на почве аберрации. Маровихеры, кричал, убийцы, уходите сейчас же… и так далее.

– Ты можешь нормально говорить? Без аберраций и прочей чепухи.

– Могу.

– Вот спасибо! И что дальше?

– Ну, дальше… Извинились, что напугали. Предельно куртуазно и вежливо, кстати. Сказали, мол, из самых лучших и чистых побуждений, во имя витальности, что зайдем через несколько дней, когда его мнение инверсируется, и ушли.

– Я же просил выражаться культурно.

– Ладно, извини за диффузность. Больше не буду.

– Всё? Больше он ничего не говорил?

– Всё, – подтвердила Катя. – А что еще?

– Да так, – Эдуард задумчиво уставился на очень худого, желтого Юру в огромных роговых очках, отличавшегося еще и отекшим лицом. – Здоров ты жрать – бутерброд за бутербродом, уже пятый заглотил.

– Тебе завидно?

– Юрик, ты работать-то не собираешься?

– А зачем? Нам с Катькой пока хватает. Мы вот сейчас пишем альбом, ты же знаешь, а когда наше дело выгорит, раскрутим его на эти деньги. Как-то не готов я кричать: «Сво-

бодная касса». Катька стихи неплохие пишет, я музыку. Сами аранжировки составляем, сами и записываем. Благо инструменты есть и аппаратура.

– А также пиво и другие алкогольные напитки.

– Это же творческий процесс, куда без пива-то?

– Много записали?

– Три композиции готовы. Катюх, позвони Паше – ждать его или нет?

– Как там твои родители?

– На Кипре. У них туристический бизнес хорошо идет, домик купили, развиваются.

– Зовут?

– Меня?

– Нет, меня. Тебя, конечно.

– Ну, так. Не очень. Летом съезжу на неделю-две. Они же знают, что я не поеду туда жить. Зачем мне? В этой квартире живу, другую сдаю, денег хватает. Понимаешь, я там не смогу заниматься музыкой. Там жизнь совсем другая – солнце, море, все время тепло, а мне тоска нужна. Депрессия и изоляция зимой, ожидание весны. Душевный подъем, когда всё зеленеет, потом сожаление о слишком коротком лете. Все лучшие авторы – что писатели, что поэты или композиторы – могут произрастать только там, где происходит четкое разделение времен года, причем обязательно должна быть долгая и холодная зима, как у нас.

– Патриотично.

– А что? Для творчества необходимы задавленные, надрывные ожидания, нетерпение, даже отчаяние, чтобы мысли и образы роились, чтобы зимой создавать себе лето, летом думать о космосе, напрягая до предела воображение. И в то же время бесконечные снега-снега, без времени и без надежды. Просторы полей вокруг создают ощущение вечности, отсутствия суеты, близости Бога. Желательна постоянная недостроенность в государстве. Опять же, с одной стороны, чувство какой-то обделенности, неполноценности – и одновременно, с другой стороны, убежденность в собственном превосходстве. Убежденность в великости своего народа на фоне полной неспособности доказать это фактически. Представляешь коктейль? Жуть! Такая бесконечная внутренняя борьба, заставляющая вырабатывать умопомрачительные сюжеты, создавать шедевры. Разве на Кипре такое возможно получить? Вряд ли. Никогда не думал об этом?

– Желательно, чтобы еще война была, революция или голод?

– Это негуманно. Нет, я против любых форм насилия. Главное – не сами страдания, а именно ожидание избавления от чего-нибудь. Географических особенностей и климатических условий, холода и снега, например, вполне достаточно.

– По-моему, это ерунда. Как же великие итальянцы без снега обходились? Художники, композиторы, Леонардо да Винчи?

– Итальянцы-то? – Юра на секунду замешкался. – А что

итальянцы? Так то ж Средние века были – инквизиция, эпидемии какой-нибудь бубонной чумы, крестовые походы всякие. Им тогда экстрима и без снега хватало. Нам ничего этого не нужно, у нас климат и география дают всё, что нужно творческому человеку. Сиди, записывай музыку и лови кайф от жизни.

– То есть ты счастлив?

– А почему нет? Счастье, я думаю, – это не количество материальных благ, которые ты стяжал и разложил вокруг себя, это особое состояние духа, позволяющее чувствовать себя счастливым. Человек действительно создан для счастья, но поиски счастья – забота каждого отдельного человека. Причем искать надо внутри себя.

– Как же без денег можно чувствовать себя счастливым? Чепуха! Так не бывает.

– Бывает. Все зависит от целей, которые ты ставишь перед собой и от их достижения. От результата. Получил результат – и счастлив. Вот мы с Катькой хотели записать трек, чтобы мороз по коже от музыки и от текста. Целый месяц искали форму. Получилось целых три, и мы счастливы. Понимаешь? Если кто-то даст за это деньги – хорошо, но не это главное. Главное – само произведение. И так далее. Следующий трек, за ним другой. Деньги не могут быть мерилом твоего счастья, это, скорее, индикатор признания тебя окружающими, эквивалент соответствия развития общества твоему таланту – или наоборот. Не более того.

– А кушать на что?

– Так мы же квартиру сдаем.

– А если бы квартиры не было? Если бы родители не купили тебе всю эту аппаратуру?

– Он уже поднимается, – крикнула Катя из спальни. – Через минуту, говорит, будет.

* * *

Младший сержант милиции Павел Баженов, одноклассник Эдуарда и Юрия, выглядел старше своих лет. Высокий, крупный, несколько полноватый. Голову имел круглую, круглые же глаза и нос картошкой. Всю его внешность можно было бы назвать глуповатой, если бы не странная высокомерная полуулыбка, никогда не сходившая с его губ. Создавалось впечатление, что всё вокруг его смешит своей наивностью и незатейливостью, что всё ему заранее известно и он давно выше всего – как известного, так и неизвестного. Служба приучила Павла к повиновению окружающих, он всегда себя вел по-хозяйски, стараясь быстро получить информацию, вникнуть в ситуацию и дать распоряжения.

– Привет, мужики! Привет, Катюша! У меня десять минут времени, я на маршруте. Давайте по-быстрому. Юрец, как вы вчера? Только говори по-русски, а то я тебя стукну.

Юра кивнул и коротко отчитался о посещении пенсионера Бабина.

– Хорошо. Ну что ж, всё идет по плану. Похоже, клиент практически созрел. Самое время начинать действовать.

Друзья расселись вокруг кухонного стола и повернули головы к Павлу.

– Итак, – заговорил Баженов, – видится мне, что наш план достаточно успешен, так что самое время вернуться к договоренностям.

Заговорщики закивали, не осмеливаясь перебить или поправить своего лидера.

– От меня покупатель, единоразовая выплата продавцу, общая организация. Эдик, твоя задача – договориться с рентополучателем, господином Бабиным, убедить его заключить договор с тем, за кого ты ручаешься, и так далее. Особо не нажимай, если что – мы Юру с Катей еще раз зашлем, нагоним ужаса. Вы, ребята, возможно, свою работу еще до конца не сделали. Полный расчет после получения свидетельства о собственности на квартиру, как договаривались.

– Пятьдесят? – подал голос Юрик.

– Да. Вам с Катей – пятьдесят тысяч, Эдику – сто. Остальное мое. Всего покупатель дает за услугу триста тысяч. Так что всё справедливо.

– Сколько же квартирка стоит? – не выдержала Катя.

– По моим оценкам, квартира в нынешнем состоянии стоит миллионов шесть.

– Ого!

– Что «ого»? Неизвестно, сколько старик проживет. На-

ше-то дело маленькое – подготовить подписание, а все риски покупатель берет на себя, не говоря о ежемесячных выплатах старику до конца жизни и коммуналке. Не дай бог, родственники какие-нибудь объявятся, такое не редкость, а это суды.

Свекольников вспомнил хитрого Бабина-младшего, громко сглотнул и опустил глаза.

– Не жадничайте, – продолжал Баженов. – Я думаю, тут проблем не возникнет. Меня заботит другое – надо бы на поток это дело поставить. Эдик, прошу тебя при всех: покопайся там среди своих клиентов, чужих клиентов – и вообще, посмотри в базе, где на твоем участке есть еще пенсионеры, которые потенциально могли бы заключать подобные договора. Пожизненная рента в обмен на квартиру. Чем больше будет договоров, тем больше будет и денег. Тем чаще они будут поступать. Все просто – масштабный фактор! Как только жирку накопим, будем на себя квартиры оформлять, а это совсем другие деньги. Причем чистая работа, без криминала.

– Я посмотрю, – оживился Свекольников. – В ближайшее время.

Подельники закивали. Юра допил свой кофе и ушел с Катей в спальню. Через минуту оттуда громко зазвучала медленная тяжелая музыка и потянулся голубой сигаретный дымок.

«Сказать Пашке про брата? – страдал Эдик. – Или не на-

до? Ладно, само как-нибудь обойдется. Что-нибудь придумаю. А что придумать? Черт бы его побрал, этого тезку!»

– Эдуард Романович, о чем задумался-то? – услышал он заботливый голос Павла. – Ты не заболел? Чего грустишь, сомнения?

– Нет сомнений, все сделаю, как договорились. Не извольте беспокоиться.

– Хотелось бы верить. Теперь все зависит только от тебя, – Баженов замедлил речь и нахмурился. – Потому ты и получаешь больше, чем ребята. Ладно, будем надеяться, что старик не подведет.

– Как это?

– Пойдем на улицу. Пора расходиться, работа ждет. Ты сегодня к дедушке?

– Вот сейчас и пойду.

– Отлично. Главное – не торопись, если что-то не будет получаться – звони. Он выпивает?

– Бывает, но не часто.

Они стояли под домом возле «девятки», раскрашенной в цвета ППС, с синим маячком и громкоговорителем на крыше. Эдик подтянул повыше молнию куртки и поправил шапку.

– Холодно, – поежился Баженов. – Мне пора.

– Ты не ответил, почему «не подведет»… – вспомнил Свекольников.

– Он чем-то болен? Пожилые люди всегда чем-то больны.

– Болеет, конечно. Гипертония у него – давление скачет, сердце. Тем более он радиации нахватался на службе, так что непонятно, как дожил до таких почтенных лет. Сослуживцев своих давно перехоронил, а сам живет еще. Воспаление легких пару месяцев назад перенес в ведомственном госпитале.

– То есть и заболеть может, – спокойно констатировал Баженов. – Человек пожилой, сердце слабое. Сколько ему?

– Семьдесят девять. В этом году, осенью, по-моему, будет восемьдесят.

– Прилично пожил мужик. Не дай бог так оказаться на закате дней. Не подумай плохого, если что. Я греха на душу не возьму, спокойно агитируй его за ренту, и пусть будет так, как будет.

– Конечно. Ты о чем вообще?

– Ну вот и хорошо. Ладно, разбегаемся, – Павел неожиданно рассмеялся и чувствительно хлопнул друга по плечу. – Можешь на меня рассчитывать. Все, пока!

Эдуард ничего не понял, распахнул было рот, чтобы переспросить, но Павел уже вскочил в машину и запустил двигатель. Свекольников постучал в стекло задней дверцы, чтобы остановить друга, когда его оглушил резкий вой сирены, дополненный ревом из громкоговорителя: «Отойти от машины! Лицом в грязь!» Он от неожиданности подскочил на полметра и на некоторое время потерял дар речи.

Владилен Феликсович проживал в одном из четырех высоких, добротных, украшенных барельефами трудящихся разных отраслей народного хозяйства и лепниной с элементами серпов и молотов, домов, которые в народе называли «сталинскими». При желании окна его четырехкомнатной квартиры легко определялись по старым рамам и отсутствию кондиционеров. Подавляющее большинство жильцов дома давно сменились, и гнезда когда-то важных для правительства ученых и военных, работавших на секретном полигоне и в секретном институте, давно заняли современные богачи.

– Кто? – спросил встревоженный голос из-за двери.

– Это я – Эдуард.

– Заходите, Эдичка, очень рад вас видеть, раздевайтесь. Я ждал вас, – пожилой человек предупредительно увивался вокруг Свекольникова, стараясь освободить того от одежды. – У меня к вам исключительно серьезный разговор. Серьезный и чрезвычайно важный.

Старик весь трепетал от нетерпения. Несмотря на достаточно внушительный возраст, он сохранил ясную голову и своеобразное чувство юмора.

– Можете не разуваться, проходите на кухню, я приготовил чай. Вот сюда садитесь, – он выдохнул и с умилением посмотрел на молодого гостя. – Как же хорошо, что вы пришли.

– Давно не видел вас таким растревоженным. Что произо-

шло, Владилен Феликсович? Не волнуйтесь так, у вас же давление.

– Давление, да, конечно, давление… Я принимаю таблетки, а оно не сбивается. Шум в голове, кружится все, вижу плохо. Садитесь же! Со вчерашнего вечера лежу, спать не могу, слабость.

– Вам врач нужен.

– Нужен, но не сейчас. Они снова упекут меня в госпиталь, и что? Нет, позже, потом. Знаете, я вас увидел, и мне сразу стало лучше. Почему-то я уверен, что именно вы мне и поможете. Наливайте чай, я только подогревал его минуту назад, – дыхание его выравнивалось, дрожание пальцев ослабевало, голос приобрел обычные крикливо-капризные модуляции. – Дорогой мой, все дело в этой квартире. Никогда бы не подумал, что она станет причиной моего плохого самочувствия. Тридцать лет тут живу, ничего такого не замечал. Может быть, священника пригласить, освятить ее? Сдается мне, со мной какие-то бесы проживают без регистрации.

– Какие еще бесы? – не понял шутку Эдик. – О ком это вы?

– О бесах. Представителях лукавого в моей убогой келье.

– А что с ней не так? – Эдуард обвел глазами стены, запрокинул голову к потолку. – Хорошая квартира. Везде книги-книги-книги. Вам впору из книг складывать столы, стулья, всю мебель и даже сантехнику. Застелить ими полы и оклеить стены. Никогда я не видел столько книг.

– Шутите? Эх, молодой человек, вы даже себе представить

не можете, сколько сил и здоровья я вложил в эти квадратные метры. Как мы счастливы были, когда мне их дали. Что вы! Всю планету тогда круглосуточно заливало желтое, невыносимо ослепительное солнце. Кругом озоновая зеленая свежесть и поливальные машины, направив радужные струи свои к небу, одна за другой бесконечной вереницей уходящие прямо в коммунизм. В центре, два туалета, балкон, отдельный кабинет, еще столовая и две спальни. Мне же, как орденоносцу и доктору наук, положена была дополнительная площадь, чтобы я оборонную науку продвигал.

– У вас тоже орден? – отметил Эдик очередное совпадение.

– Орден. И медали еще. А почему «тоже»? У кого еще?

– Ну, там, есть человек. Неважно. Рассказывайте дальше.

– Вот мы с женой и сыном и получили эти шикарные апартаменты. Такие времена были, страна заботилась о своем научном потенциале, обеспечивала всем необходимым тех, кто, как говорится, ковал ядерный щит родины, кто здоровья не жалел и самой жизни. Ни своей, ни чужой.

Глаза бывшего полковника засверкали тусклыми стариковскими слезами.

– А жизнь прошла, – он замолчал на несколько секунд, мгновенно погрузившись в прошлое. – Хотите коньку по пятьдесят? Эх, чего уж там! – он достал из буфета старорежимный графин, наполовину заполненный коричневой жидкостью, и миниатюрные серебряные рюмочки

с гравировкой «ВА». – Владилен и Анна. Свадебные, командирские. Знаете сколько им лет? Странное ощущение – жизнь прошла, но ты еще жив. Кто-то уверен, что зажился я на этом свете и, вопреки законам природы, занимаю площадь, на которой меня уже давно не должно быть. Не досмотрели что-то в управлении Всевышнего по распределению площадей. Племя молодое, совсем незнакомое и даже чуждое, настойчиво начинает интересоваться моим скромным жильем. Ладно, разговор не об этом. Будьте здоровы! – он зажмурился и выпил.

– У вас же давление!

– У всех давление, лишь бы не атмосферное. Я припоминаю, вы говорили как-то о договоре, по которому я могу передать свою квартиру в обмен на определенную сумму и ежемесячное пособие. Было?

– Наверное. Я не помню, – замаскировался Эдик. – Вообще, это обычная сейчас практика. Называется – договор ренты.

– Вот-вот, рента. Точно! Вы тогда сказали, что у вас есть хорошие, надежные и порядочные молодые знакомые, которые как раз ищут что-то в этом роде. Говорили? Почему не пьете?

– Пью я, пью. Говорил. Они по-прежнему ищут. Это непросто – хозяин квартиры тоже должен быть надежным. В этом деле есть много юридических возможностей для мошенничества, если продавец нечестный. Не буду засорять

вам мозг. Самое главное – абсолютная порядочность с обеих сторон, тогда все легко и просто.

– Это замечательно! Именно должно быть легко и просто. А как быстро все можно сделать?

– По-моему, недолго. Но раз у вас есть сын… Признаться, я…

– Мой сын погиб. Давно уже. Разбился на машине. Я одинок и наследников не имею. Давайте приводите своих хороших знакомых, я готов их выслушать, – он налил вторую рюмочку. – Закусить-то и нечем. Эдуард, вот рецепты, список лекарств и продуктов. Вот деньги. Всё как обычно, сдача ваша. Тут тысяча примерно останется. Хватит? Сходите в магазин и продолжим.

Когда через полчаса Эдик вернулся в квартиру, стол на кухне оказался заваленным какими-то папками и бумагами. Владилен Феликсович, по-видимому, успел еще пару раз приложиться к графину. Он смотрел на молодого человека мутными глазами. Свекольников открыл и поставил перед клиентом банку огурцов. Тот сразу просветлел и заулыбался.

– Знаешь что это? – изрек он и помахал в воздухе цветастой бумажкой. – Не знаешь.

– И что это? – раздраженно спросил Эдик, не переставая выкладывать из пакетов покупки. – Декрет о мире?

– Опять шутите, – старик хитро прищурился. – Это завещание на квартиру на твое имя!

Эдик перестал выкладывать и замер. Теплая волна окати-

ла его изнутри. От внезапного восторга желудок сжался, дыхание остановилось. Неужели сбылась вековечная мечта социального работника?

– Черновик, – продолжал дед, довольный произведенным эффектом. – В моей жизни всегда было много людей – коллеги, друзья, родственники, но так случилось, что многие умерли, а кто жив, так забыли обо мне, и больше никого нет. Никого, кроме тебя, Эдик. Недавно, недели три назад, я решил тебе квартиру оставить, даже начал составлять завещание. Пишу и думаю: «Замечательный же молодой человек, умный, красивый, порядочный, так заботится обо мне, старается. Мне-то уже недолго осталось. Вот умру я, а ему еще жить. Сделает ремонт, женится, заведет детишек. Будет кому за мою душонку свечу поставить. Глядишь, появится шанс в рай попасть», – он подмигнул Эдику и пригубил коньяк. – Вообще-то я атеист.

Молодой человек, не дыша и не меняя остановившейся позы, кивал вывернутой на сто восемьдесят градусов головой каждому утверждению своего подопечного. Лицо его пошло алыми пятнами. Старик продолжал:

– Наша работа и служба – сплошь интриги и сплетни, подковерная борьба и движение вверх по головам. Всю свою жизнь я мечтал относиться к кому-то искренне и чисто. Чтобы можно было не подозревать подлости или двуличия. Так хочется открыть душу, просто верить и доверяться, истосковалась душа по свету и бескорыстию. Понимаете меня, юно-

ша?

– Отлично понимаю вас, дорогой Владилен Феликсович, замечательно понимаю! Я, знаете ли, и сам нередко думаю о душе в разрезе именно бескорыстия и…

– Ну вот. Размышляю себе таким манером и понимаю, что если подпишу завещание, то не смогу уже не подозревать вас. Обязательно же заползут сомнения. Так? Начну про отравленную пищу думать, ядовитые лекарства или просто про ледоруб в голове, как у Льва Давидовича. Царствие ему небесное! Потеряю аппетит и сон, установлю дополнительные замки. И не станет у меня единственного, преданного друга на склоне дней. Вы же разрешите мне называть вас другом? Человек так устроен – только начнет подозревать, сразу весь мир перевернется. Привидится такое, чего и выдумать нельзя. А наше поколение знало доносы друзей, репрессии и сталинские лагеря. Про Павлика Морозова читали? У нас нервы расшатаны. Понимаете? Ничего вы не понимаете! Одним словом, передумал я завещание составлять. Согласитесь, настоящий друг дороже любой квартиры! Не будет никакого завещания. Ради вас же и передумал. Помните? «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Хоть я и атеист. Если вы умный человек, а у меня нет ни малейших сомнений, то вы мне еще и спасибо должны за это сказать.

Как пораженный молнией, Эдик продолжал стоять с открытым ртом. Алые пятна на лице остановились и стали уга-

сать. За те несколько секунд, что старик произносил свой монолог, он успел в общих чертах наметить, как распорядится миллионами, как объяснит друзьям, что сделки не будет, и где он проведет отпуск после ухода Бабина в лучший из миров. Вместо «спасибо» Свекольников подошел к столу и опрокинул в себя рюмку. Сразу налил другую и отправил вслед.

– Так приведите, приведите его ко мне! – с выражением прокричал Бабин фрагмент монолога Хлопуши и простер к Эдику обе руки. – Я хочу видеть этого человека!

– Кого? – отпрянул тот.

– Покупателя, конечно. Того или ту, неважно, о ком вы говорили недели две назад. Приведите же, пока не поздно. Ко мне вчера вечером приходили бандиты, предлагали. Я их боюсь. Так приведете?

– Приведу, конечно, – Свекольников приходил в себя. – Вернее, они сами навестят вас и скажут, что от меня. Моего интереса тут никакого нет, кроме человеческого желания помочь. – «Чтоб тебя разорвало, старый вурдалак», – подумал он. – Так что вы уж сами давайте. Одно могу сказать: я готов за них поручиться. И знаете еще что? Никому не открывайте дверь, что бы кто ни говорил, даже если милиция. Только если скажут, что от меня. Фамилию мою помните?

– Свекольников. Достаточно смешная фамилия, хотя…

– Вот и отлично. На следующей неделе покупательница придет, так вы позвоните мне, чтобы убедиться.

– Женщина? Как же это замечательно! – подскочил старик и потер руки. – Великолепно и чудесно. Вы собираетесь уже?

– Да, пора мне. Вы у нас не один, хоть и неповторимый. Еще есть бабушка и семья инвалидов. Всем обязательно требуется моя помощь. Долг, знаете ли. Призвание!

– Как жаль. Я нарочно подоставал альбомы, хотел вам показать кое-что из моей молодости и зрелости. Убежден, вам будет интересно. Хоть пять минут! Тут вся моя жизнь. И прошлая, и будущая, поскольку в будущем у меня только воспоминания о прошлом. Кто знает, сколько я проживу? Все эти бесценные фотографии и статьи я с удовольствием завещаю вам. Владейте! Уверяю вас, это гораздо ценнее, чем квартира, это бесценно – история нашего города, нашего института, история людей. То, что не купишь и не продашь. Вы же меня понимаете?

– Понимаю, конечно. Не купишь и тем более не продашь. Историю нам в институте преподавали…

– Ладно, вам некогда, тогда возьмите хоть эти две папки, тут старые газеты, – не дослушал Бабин. – Центральные и местные. Очень старые. Посмотрите. Самая первая сверху, та, где статья о моем открытии, за которое я и квартиру, кстати, получил. Прочтите обязательно, вам будет интересно.

– Какие еще газеты?

– «Правда», «Известия», «Институтский вестник», заводская малотиражка «Мирный атом». Вы торопитесь?

Он уже совсем опаздывал. Стрелки часов давно перевалили за полдень, а впереди оставались еще два адреса. Благо они располагались неподалеку. Эдуард торопился, он не хотел опаздывать на день рождения и становиться центром нетрезвого внимания. Не хотел услышать веселые реплики: «Штрафную! Тарелку ему и прибор! Маша, поухаживай за кавалером!»

6

Народ задерживался. Из знакомых в ресторане была только Маша, которую на такси отправили раньше всех с напитками. Она ходила вокруг стола, накрытого в углу помещения и отгороженного ширмой, сосредоточенно поправляла приборы и передвигала тарелки. В центре стола возвышалась ваза с теми самыми розами.

– Ой, привет! – она растерянно поставила колбасу на стол и присела, положив по-женски руки вдоль колен и подняв к нему лицо. – Ты уже пришел? А никого еще нет. Сказали, что выходят, а сами не пришли.

– Придут, – Эдик тепло посмотрел девушке в глаза. – Вот я и прибыл на подмогу. Командуй.

– Нечего командовать, все уже накрыто. Ты что пить будешь? Вино или водку?

– Вино. Я водку не пью. Красное. Давай я пока, что ли, бутылки пооткрываю.

– Угу, – кивнула она.

Эдик взялся за открывалку, а Маша наблюдала за его работой. Играла негромкая приятная музыка, бесшумные официанты в остальном зале тихо обслуживали немногочисленную интеллигентную публику.

– Спасибо тебе за букет. Кстати, очень красивый, – она перевела глаза на вазу и хитро спросила. – Чего это ты решил мне цветы подарить?

– Захотелось сделать тебе приятное. Рад, что удалось, – чуть смутился он и выдавил из себя. – Я подумал, что красивой девушке обязательно должны подойти красивые цветы. Ты же любишь цветы? – Бабинский коньяк придавал смелости.

– Конечно, – она слегка зарделась, комплимент достиг цели. Более того, она почувствовала, что, наверное, хотела бы проводить больше времени с мужчиной, который называет ее красивой. Красивой же можно называть по-разному, да и непонятно, о чем он говорил: о лице, о фигуре или обо всем сразу. Оставалось, опять же, невыясненным, чем именно красиво то, что он назвал красивым. – Очень! Именно такие темно-бордовые розы я обожаю. Знаешь, я, когда их увидела с утра…

– Конечно, он уже тут давно! – низким, прокуренным голосом Ирина Анатольевна ревела так, словно собиралась перекричать направленную на нее турбину реактивного самолета. – Я же говорила! Ну, Эдик, ну, молодец! Шустрый!

Коллектив отдела, как небольшой ураган, вкатился в ресторан. Почему-то все расселись примерно в том порядке, как они сидят на работе. Эдуард оказался почти напротив Маши, и они весь вечер поглядывали друг на друга так, словно их объединяла какая-то маленькая общая тайна.

* * *

К ночи ветер почти прекратился, да и снег стал реже. Компания вывалила на улицу, и дамы, не сговариваясь, как горох, раскатились в разные стороны. Эдуард с большим пакетом и Маша с охапкой цветов стояли под дверями ресторана и смотрели друг на друга, не имея сил расстаться. Свет ярко моргающей люминесцентной вывески импульсами окрашивал молодых людей в нереальные цвета.

– Спасибо, Машенька, – еще более осмелевший от вина, Свекольников впервые позволил себе так обратиться к девушке. – Разреши мне тебя проводить. Тем более эти букеты… Я бы очень хотел.

– Не получится, я живу за городом в Покровском, и автобус с автовокзала уходит, – она сунула ему в живот цветы и обнажила тонкое запястье с малюсенькими золотыми часами. – Ого! Через час двадцать. Нескоро. Если провожать от остановки до дома, то обратно тебе не на чем будет добираться, это последний автобус сегодня.

– Единственное препятствие?

– А что еще?

– Я возьму такси.

– Зачем?

– Отвезу тебя домой. Можно?

– Ну, я не знаю, если тебе делать больше нечего, то отвези.

Цветы разместились на переднем сиденье, поверх дурацких бабинских папок с газетами, а молодые люди устроились сзади. Они уселись совсем близко друг к другу. Через одежду Эдуард ощущал прожигающее тепло от прикосновения Машиного бедра, и ему казалось это неудобным. Словно он домогается ее, воспользовавшись теснотой салона стареньких «Жигулей». Он даже вспотел от внутренней борьбы: отсесть или остаться. И отсесть, и остаться казалось невежливым. Хотелось остаться. Маша тем временем, видимо, совсем ничего не замечала. Более того, подсказывая водителю путь, она время от времени наклонялась вперед и опиралась правой рукой на его левое колено, касаясь волосами его уха. Она это делала совершенно естественно, словно он часть конструкции автомобиля. Эдик ликовал, он вдыхал аромат ее духов и мечтал, чтобы чудесная поездка не кончилась никогда. На крутом повороте, когда она в очередной раз коснулась его колена, он, перестав дышать, накрыл ее пальцы своей рукой. Сжавшись от понимания собственной безумной дерзости, он ожидал жесткой отповеди. Мурашки бежали по его спине, и время остановилось. Он ушел в себя, предчувствуя громы, молнии и разрушения, как на кар-

тине Карла Брюллова «Последний день Помпеи». От волнения его ладонь намокла, но девушка не высвобождала свою руку. Минут через десять пути он даже начал надеяться, что она легонько пожмет его колено, подавая сигнал: мол, парень не тушуйся, мне нравится. Но ничего такого не произошло.

Автомобиль остановился.

Раньше он тут никогда не был. В его представлении село Покровское – страшная продавленная грунтовая дорога, черные перекошенные, крытые соломой дома без света, нетрезвые сомнительные личности, источающие опасность. На самом деле он увидел почищенные асфальтовые дороги, хорошие дома высотой от одного до трех этажей. Он попросил водителя подождать десять минут, подал Маше руку, и они вышли на воздух. После натопленного салона Эдику сразу стало холодно.

– Вот мой дом, – девушка указала на солидную каменную усадьбу с добротным кирпичным забором. – Приехали.

– Хорошо у вас тут, – похвалил Эдуард обстановку. – И дом хороший. Только темновато.

– Я пошла, – весело сказала Маша. – На чай не приглашаю, мой отец не любит гостей. Спасибо. До завтра.

– До завтра.

Он стоял на месте и не выпускал ее пальцы. Она приблизилась к нему и тихо по слогам произнесла:

– Я пошла. Спасибо.

Эдик ощутил на правой щеке ее влажный, горячий, быст-

рый поцелуй, накрывший краешек его губы. Она это сделала так стремительно, что он не заметил самый момент движения, почему-то вспомнив, как бросается на жертву змея. Рука автоматически потянулась стереть влажную, захолодевшую на морозном ветру печать, но он удержался, улыбнувшись своему порыву.

В машине он плюхнулся на папки, подаренные ему пенсионером Бабиным, и разозлился. «Мерзкий старик, – подумал Эдик. – Самое лучшее – выкинуть всю эту макулатуру. Ладно, потом. Не буду портить себе хорошее настроение».

Весь обратный путь он продолжал ощущать на себе отпечатки мимолетной близости с прекрасной, удивительной девушкой Машей.

* * *

Около одиннадцати вечера Свекольников вернулся домой. Мама не спала, читала на кухне книгу за круглым столом. Она поцеловала сына, попутно установив, что он практически трезвый, более того – выглядит спокойным и даже довольным. От сердца отлегло.

– Что это у тебя? – спросила Анна Вениаминовна, указывая на две раритетные папки с бантиками тесемок. – Работу на дом взял?

– Это мне один поклонник подарил из числа моих подопечных. Сначала хотел квартиру, но потом, трезво рассу-

див, решил, что старинным газетам я больше обрадуюсь. И – вот, – он шлепнул папками о полку прихожей. – Теперь это мое.

– Щедро! Какой-то ты обновленный, будто светишься. Что-то случилось? Кушать будешь?

– Чаю попью.

– Чай тебя ждет. Умывайся – и за стол.

Мама перелистывала пыльные газеты и журналы, бегло рассматривая заголовки и фотографии. Сын прихлебывал пустой чай и пытался представить, что произошло бы, если бы он по пути отважился взять Машину ладонь не одной, а сразу двумя руками. А если бы поцеловал ее в ушко? Он зажмурился, ощутив, как маленькая, сладкая бомбочка взорвалась у него где-то в низу живота.

– Ой! Смотри, сынок, твой дедушка, – мать через стол показала Эдику разворот журнала, напечатанного на желтой газетной бумаге. – Вот он, второй слева. В белом халате. Что это у нас? «Институтский вестник»! Интересно.

На правой стороне разворота под крупным, набранным квадратными наклонными буквами заголовком «„Уверен, новый стенд станет прорывом в отрасли!“ Подарок атомщиков XXV съезду КПСС» Эдик действительно увидел нечеткое фото, на котором плечом к плечу стояли четверо мужчин в белых халатах. Мама повернула журнал к себе и углубилась в чтение.

– Откуда у тебя эти бумаги? – резко спросила она, через

минуту оторвавшись от журнала. – Как его фамилия?

Свет от низко висящей лампы, охваченной тканевым абажуром с золотистой бахромой, контрастно вырезал жестко сжатые губы матери.

– А что? Что случилось-то, мам?

Анна Вениаминовна замолчала, откинулась на спинку стула, выйдя из светового пятна, и закрыла глаза.

– Тут про стенд, эта его работа… Мой отец, твой дедушка, сделал какое-то изобретение, которое стало основой этого проклятого стенда. Судя по номеру и году издания журнала, на фото изображен и этот негодяй. Из-за него дедушка и умер. А было тогда ему всего сорок один год. Сорок один! Совсем молодой, – женщина заплакала и выскочила из-за стола.

– Кто негодяй, мама, о ком ты говоришь? – прокричал ей вслед сын.

7

– Некто Бабин В. Ф., руководитель их группы в институте, украл изобретение твоего деда, – продолжила она через несколько минут, отдуваясь и вытирая глаза. – Переписал все на себя, включил в заявку директора института, и отправили они документы на государственную премию. Твой дедушка ничего не знал, пока не объявили о присуждении премии. Они в академию сами ездили, без него, публиковали

что-то, выступали на конференциях, ничего ему не говорили. Полная тайна. Мне тогда было уже четырнадцать лет, и я все прекрасно помню. Однажды я подслушала, как отец моей маме рассказывал что-то и упоминал фамилию Бабин. Ругался, даже желал ему смерти. Он потом ездил сам в Москву, пытался отстоять свое авторство, но куда там. Директор института – членкор, генерал. Бабин – доктор наук. Все бесполезно. Так как, говоришь, фамилия того, кто тебе папочки-то подарил?

– Васильев, – соврал Эдуард.

– Нет, – поразмыслив, ответила мать. – Не помню такой фамилии. Этот В. Ф. за изобретение квартиру, кажется, получил и медаль какую-то, а Вениамин Николаевич, твой дед, умер от сердечного приступа, как раз за несколько дней до съезда партии, 15 февраля. Сердце не выдержало, – она снова заплакала, но уже не выходила.

– Ты мне об этом не рассказывала.

– Не рассказывала, – еле слышно ответила она.

Они замолчали. Каждый ушел в свои мысли.

– Какая ужасная несправедливость! – в искреннем отчаянии воскликнул сын. – Талантливый человек, ученый, изобретатель, сделал открытие, за которое ему было положено вознаграждение, а воспользовался плодами его работы совершенно другой человек. Деда давно нет на свете, а этот живет в огромной квартире и пользуется всем. Это же чудовищно! Невозможно! Ты утром уговаривала меня всех лю-

бить. Так что ж, и его любить? Да таких давить надо!

– Не надо, Бог его, скорее всего, уже наказал, – испугалась мать, рассмотрев во взгляде сына нехороший блеск. – Думаю, его давно нет среди живых. Должна же быть всеобщая справедливость?

– Неизвестно еще, – сварливо возразил Эдик. – Большой вопрос! А если и наказал, то было ли наказание соразмерно греху? Он, по сути, убил талантливого человека. Плюс бабушка прожила всего шестьдесят лет.

– Пятьдесят девять.

– Тем более! Я знаю, ее здорово подкосила смерть деда. На совести этого человека минимум две смерти. И это только то, что мы знаем наверняка. Две за одну, где же тут всеобщая справедливость?

Его глаза горели. Он в несколько глотков осушил свою чашку чая и заходил по комнате из угла в угол. Наконец остановился, скрестил на груди руки и сам ответил на свой вопрос:

– А нет никакой такой абстрактной справедливости и не было никогда. Справедливость – это всегда дело рук человека. Где-то это закон в исполнении государства, а там, где государство не дорабатывает, человек должен сам действовать в соответствии с обстоятельствами.

– Что ты такое говоришь? – Анна Вениаминовна перестала плакать и с испугом смотрела на сына, готового сорваться в свои странные рассуждения. – Вечно у тебя какие-то тео-

рии.

– Это не теории, мам, это правда жизни. Я очень давно об этом думаю. Вот смотри. В среднем люди рождаются одинаковыми. Отбросим расовые различия и единичные случаи врожденных отклонений. В среднем все одинаковые. А раз так, то Богом, очевидно, им предуготована счастливая судьба. Детки рождаются для счастья, надеюсь, не будешь спорить.

– Конечно для счастья, – мама затосковала, догадываясь, что сейчас получит продолжение утреннего разговора.

– Рождается такая кроха, – войдя в раж и распаляясь, развивал свою мысль Эдуард. – Розовая, беззащитная и открытая всему лучшему в мире, но не знает, что родилась она, может быть, не совсем в той семье, где возможно стать счастливым. Кто-то родился в семье миллионеров, ученых или артистов, а он в семье алкоголиков, наркоманов, да еще, если повезет, со СПИДом. Человек еще пяти минут прожить не успел, а уже наказан. Вопрос – за что? Ни одна религия этого вразумительно объяснить не может. Ни один писатель не дает ответов! Совершенно ясно, что не будет у него тех возможностей, что у других деток. Где же тут справедливость? За что он обделен? Он же ничего плохого сделать не успел, а его заранее наказали, впрок, чтоб неповадно было рождаться в следующий раз где попало. За что же? За грехи и бездарность родителей? Такое объяснение ничего не объясняет. Он родился отдельным человеком, и никакие пако-

сти предков его не касаются. Теперь для того, чтобы чего-то добиться, он вынужден прикладывать в тысячу раз больше усилий, чем другой такой же малыш. И даже если у него хватит сил, таланта и удача будет на его стороне, он все равно не сможет добиться того же, что сын, допустим, генерала. Теоретически шанс есть, но практически – ноль. Я уж не говорю, когда ребеночек рождается не только не в той семье, так еще не в той стране и не в то время. Он, божье создание, чистый и безгрешный, вступает в наш мир полным надежд, любви, а его, оказывается, заранее предусмотрели к страданиям, к зависти и горю. Он должен всю жизнь копаться в грязи, кормить вшей и мечтать о смерти. Ты можешь сказать, что свое спасение он найдет в молитве. Не тут-то было! Подрастая в бесконечной нужде и унижении, он обязательно станет воровать. Чтобы элементарно прокормиться и добыть одежду. На работу его не возьмут, потому что необходимо получать образование, а платить за институт или колледж некому. Одно преступление последует за другим, и вряд ли у него найдется время и желание для раскаяния, а без раскаяния его молитвы Господь не примет. Получается, нет ему спасения в религии, и вообще выхода нет. Но, предположим, наш малыш не совершает преступлений и вообще не намерен красть и так далее. Тогда его удел – нищенское существование. Как же достичь твоей всеобщей справедливости? В чем она?

– Я не знаю, но чувствую, ты ведешь к чему-то ужасно-

му, – мать закрыла ладонями глаза. – Я устала, у меня голова раскалывается. Давай завтра договорим или потом.

– Да нет ничего ужасного, мам. Напрасно ты. Все дело в простом перераспределении. Тот, кого судьба обделила при рождении, вправе отобрать недостающее у того, кто владеет им незаконно. Именно незаконно, не по праву наследования, а по причине воровства или предательства. Как этот самый Бабин В. Ф. Вот и всё. Тогда и наступит всеобщая справедливость. Правительство отбирает деньги у коррупционера и передает их в детский дом, перечисляет всякие субсидии малоимущим, почетным донорам разным.

– Вот и замечательно, – Анна Вениаминовна не в силах более терпеть мучения, стремилась сбежать. – Извини, я засыпаю на ходу. Помой свою чашку, не забудь. Спокойной ночи тебе, – прозрачная от усталости и перенесенного потрясения, Анна Вениаминовна чмокнула сына в темя и ушла в свою спальню.

– Спокойной ночи, мам. Сладких снов.

«Там же, куда рука правительства не может дотянуться, – заканчивал про себя формулу Эдуард, – там порядочные и честные люди должны сами решать. В государстве, где всегда есть неподсудные преступники, должен быть и самосуд. Для равновесия, всеобщей гармонии и справедливости. Тогда тому розовому человечку достаточно быть сильным и справедливым, чтобы выравнять свои шансы. Таково право сильного, и правда всегда на его стороне. Хочешь быть

сильным – будь сильным. В конце концов, даже в животном мире сильный пожирает слабого или жертвует им ради сохранения популяции, ради выживания стада. Так что, товарищ полковник Бабин, вы не достойны владеть квартирой, полученной ценой жизни моих близких, это несправедливо, а справедливость требует возмездия».

Возбуждение его достигло высшей точки кипения. Разум ликовал от ощущения завершенности некой собственной моральной концепции, способной заполнить внутреннюю пустоту. Внезапно разгоревшийся гнев, как вулканическая раскаленная лава, постепенно остановился, остыл и обратился в монолитную убежденность. Лежа в постели, Свекольников вспомнил насмешливые черные глаза Маши. Эти глаза как будто что-то обещали, но не обещали ничего. Он вновь ощутил ее внезапный поцелуй и даже провел языком по тому месту, куда он был нанесен. Когда у него появятся настоящие деньги, он ослепит ее своей щедростью. Предстанет перед ней истинным мужчиной, способным отвечать за нее. Улыбка осветила его лицо, и он уснул с несокрушимой уверенностью обретения чего-то невероятно приятного в самом скором будущем.

8

Свекольников знал про отца ровно столько, сколько ему хотелось знать. Закончив спортивную карьеру, Роман Сер-

геевич устроился детским тренером по боксу, часто ездил на сборы и соревнования с командой. В командировках пристрастился к алкоголю, несколько раз поднимал руку на жену, Анну Вениаминовну, уходил и возвращался. В итоге они расстались. Отец перебрался в Москву, где женился вторично, говорили даже о ребенке от этого брака, но через лет пять развелся и со второй женой, попутно отсудив у супруги деньги, которых хватило на покупку комнаты в коммунальной квартире. Из тренеров его вскоре уволили, он устроился в охрану, из которой его тоже попросили. Работал подсобным рабочим на стройке, грузчиком. Опустился и жил непонятно на что. Сразу после ухода из семьи он года три присылал деньги на сына, но, потеряв место тренера, присылать перестал.

Несколько месяцев назад перечисления денег возобновились. Смешные суммы – три-пять тысяч в месяц, совершенно необязательные, учитывая совершеннолетие сына и стабильное финансовое положение матери. Анна Вениаминовна навела справки и выяснила, что Роман Сергеевич бросил пить и устроился рабочим в церкви. Как? Почему? Оставалось неизвестным. Накануне своего юбилея отец сам позвонил сыну и пригласил к себе на день-два. Анна Вениаминовна жалела бывшего мужа и настояла, чтобы сын поехал.

* * *

Провинциальный город областного масштаба, родина Свекольникова, не шел в сравнение с огромной Москвой. Каждый раз, когда Эдуард приезжал сюда, у него создавалось впечатление, что все, кто находится в этом городе, с утра принимают сильное энергетическое средство и какая-то наркотическая сила гонит людей с горящими глазами на предельных скоростях, чтобы вечером уронить без сил на диван и умертвить до следующего утра. Казалось, граждан внутри трясло от разрывающего нетерпения и страха везде опоздать.

От вокзала он взял такси и попросил провезти себя через третье транспортное кольцо, посмотреть. Субботний вечер позволял миновать пробки.

Бесконечный мрачный город, раскинувшийся по обе стороны дороги, вымазанный грязным февральским снегом, напоминал отпечаток гигантского ботинка с глубокой рифленой подошвой. Однотипные безликие дома, промзоны, раскрашенные иероглифами заборы, гаражи-гаражи-гаражи. Где-то далеко, в сплошном сером мареве, дымили одинокие трубы, торчали размазанные высотки. Комья мокрого снега с неба и ошметки грязного снега от проезжающих автомобилей сливались в общий водяной вихрь, создавая ощущение нахождения внутри работающего двигателя, словно Эдика старались выпачкать с ног до головы по пути в неизбежный ад.

Ему хотелось домой. Туда, где снег всегда падает сверху вниз. Зачем он сюда приехал? Он смотрел пустыми гла-

зами сквозь стекло двери машины, воображая, что сидит неподвижно, а вся картина крутится вокруг него. Он почти не спал в поезде, всю ночь крутился, завязывая в узел простыни. В редкие минуты забытья ему снилась Маша, с которой они вчера едва обменялись парой слов и старались не встречаться взглядами. Являлись и оба Бабиных. Представлялись способы мести Бабину-старшему, его муки и слезы раскаяния.

Под утро, перед пробуждением, он увидел страшного, черного, лохматого паука с глазами-бусинками, сидящего на его темени, который постепенно вводил длинное, блестящее и тонкое, как спица, жало в середину головы. Причем Эдик чувствовал боль, все понимал, но брезгливое отвращение и страх не позволяли ему смахнуть ужасное насекомое. А из жала тем временем в самый мозг, капля за каплей, выпускался мутный, серебристый яд. Он машинально потрогал себя за темя. Вроде бы кожа на голове и волосы еще сохранили его тяжесть, жесткие, острые щетинки и липкие следы сердитого паука. Действительно, как будто что-то болит.

Строго говоря, в этой мести не было никакого смысла. Ну чего он завелся? Отомстит он Бабину или нет, больше с этой квартиры ему не получить. Сказать, что он испытывал острую любовь к деду, которого не видел, и бабке, которую почти не видел, тоже нельзя. Но как жить, продолжая дважды в неделю приходить к немощному старику, ухаживать за ним, поминутно желая задушить его или стукнуть чем-ни-

будь? Плешивая, сизая, омерзительная башка самим своим существованием станет свидетельством малодушия Эдика, причиной его сводящих с ума душевных страданий. А если старик умрет самостоятельно, то как тогда смотреть в глаза? Кому? Тому клоуну в зеркале? Как жить?

Таксист свернул с третьего кольца на Щелковское шоссе. Они ехали в Измайлово. Водяная пурга сразу прекратилась. Город перестал казаться мертвым.

Это же элементарная справедливость, вдруг догадался он. Справедливость не должна быть корыстной. Именно сейчас он сможет себе доказать – стоит он чего-то или нет. Возможно, больше никогда такого случая не представится. Ситуация настолько отчетлива и ясна, что однозначно ставит его перед выбором, после которого жизнь пойдет иначе. Подступает момент истины, пройдя который нужно будет либо навсегда заткнуться и признать себя неудачником, либо взойти на новый уровень. Зачем-то ему послано испытание и не оставлено выбора? Старик сам передал журналы, навязал, заставил взять. Хотел блеснуть украденной славой? Квартиры и наград ему мало? Убийца без совести и чести! Ну что ж, будем считать, блеснул. Теперь карающий меч возмездия, воплощенный в виде Эдуарда Свекольникова, опустится на шею Владилена Бабина. Эдик на секунду представил себя мечом: ноги и туловище – клинок, раскинутые руки – гарда, шея – ручка – и не смог удержаться от улыбки. Должно быть, Богу или дьяволу было угодно так свести их дорожки, так выло-

жить доказательства, чтобы отсеченная голова старого грешника, украшенная мохнатыми ушами, со стуком покатилась по полу, наблюдая мелькание последних кадров трагедии.

И все-таки Эдика не оставляло ощущение, что некто неведомый, напоминающий глумливое отражение в запотевшем зеркале, сильными руками толкает его в спину туда, куда Эдику не надо. Толкает и удивляется вялому сопротивлению. Он снова вспомнил паука, его яд и понял, что обязательно убьет мерзкого старика, и даже знает как.

* * *

– Приехали, – ровным голосом сообщил таксист и мотнул головой вправо. – Пятая Парковая. Вон ваш дом.

– Этот? – Свекольников протянул руку в сторону красной кирпичной пятиэтажки с высоким цоколем. – Мрачновато тут. Темно.

– Он самый. Расплачиваться будем?

– Да, спасибо. Сколько?

– Семьсот рублей.

Отец оказался пожилым человеком среднего роста, на вид лет шестидесяти, жилистым, с давно не мытой и нечесаной головой и с короткой бородой. Он молча, словно стесняясь, впустил сына внутрь и запер за ним дверь.

Коммунальная двухкомнатная квартира, в которой Роман Сергеевич Свекольников владел комнатой, пугала свой за-

брошенностью. В узкой, длинной прихожей самодельные кособокие шкафы и опасные антресоли из необработанных досок. Оборванные по углам столетние обои, на стенах глубоко пробитые муравьиные тропы, кучи ничейного мусора, трупы огромных тараканов там и тут, закаменевшие в предсмертной агонии ботинки, банки с неизвестными веществами под толстым коллекционным слоем пыли и отвратительный удушливый запах. Кухня и другие места общего пользования не убирались никогда и не ремонтировались. Все это богатство освещалось предельно тусклыми, засиженными мухами лампочками под высоченными закопченными потолками. Могло показаться, что последние лет пятьдесят тут никто не жил, если бы не нотка маринованного чеснока в этом смраде.

Комната, в которую Эдуарда проводил отец, выглядела немногим лучше. Изготовленная по моде семидесятых полированная «стенка» из ДСП разгораживала пространство на две неравные части. Дальняя меньшая часть вмещала нечистую продавленную кушетку с ворохом белья и служила спальней. Ближнюю часть с известной натяжкой можно назвать библиотекой, поскольку по всем ее стенам были развешаны книжные полки со стеклами и без, заваленные разноразмерными книгами, блокнотами, старинными выцветшими квитанциями. Стена напротив входной двери имела высокое окно без штор. Выщербленный паркет и желтый потолок дополняли картину. Впрочем, если кому-то захоте-

лось бы подмести и вытереть везде пыль, то обстановку возможно признать пригодной для проживания небольшой цыганской семьи, не зацикленной на санитарии.

Посреди библиотеки стоял прямоугольный стол, по бокам которого сидели два худых господина, один в очках, другой лысый, вытянув кадыкастые тощие шеи в сторону вошедших отца и сына.

– Познакомьтесь, друзья, – неожиданно приятным тенором сказал Роман Сергеевич. – Мой старший сын – Эдуард.

Хозяин взял паузу, которая вместила бы взрыв и гром двадцатиминутных аплодисментов, переходящих в овацию целого колонного зала, но гости настороженно молчали, чутко осматривая пакеты в руках молодого человека. Отец подошел к торцу стола со стороны окна, рукой смахнул на пол невидимые крошки и улыбнулся.

– Садись, сынок, не обращай на них внимания, они скоро уходят, – он придвинул Эдику тарелку с вилкой и обвел рукой угощение. – Покушай. Колбаса, сыр, огурчики, все свежее, – сел напротив и разлил гостям водку. – Выпьешь? Я боялся, что ты откажешься приезжать. Ну, давай.

Три пары воспаленных беспокойных глаз уставились на Эдуарда.

«Он не совсем бросил пить, по-видимому, – успел подумать тот. – И друзья его какие-то помятые и испитые. Зачем я тут?»

Сын поднялся с рюмкой в руке.

– Папа, – торжественно и чуть громче, чем следовало, проговорил Эдик. – Поздравляю тебя с пятидесятилетием, желаю тебе здоровья…

Перегнувшись через стол, все трое разом чокнулись с ним, синхронно выпили и перестали слушать.

– Спасибо, спасибо за добрые слова, что это у тебя в пакете?

– Подарок. Я думал, ты больше не пьешь.

– Ладно, потом. Володь, о чем ты говорил? – обратился Роман Сергеевич к гостю в очках.

– Я монолитно стою за отмену печатной буквы «ё» в русском языке. Позиция моя осмысленная и бескомпромиссная! – запальчиво заявил Володя.

– Почему же, позвольте полюбопытствовать? – лысый гость ухмыльнулся, откинулся на спинку стула, заложил ногу на ногу и закурил.

– Я бы на вашем месте убрал высокомерную улыбочку, Александр. Она себя изжила, дискредитировала. Она превратилась в символ похабности, разврата, морального разложения. В конце концов, она просто устарела. Само ее изображение несет в себе нездоровый намек, подталкивает человека в область ненормативной лексики, заставляет думать о плотских утехах вплоть до инцеста. Тем более она очень уж напоминает плейбоевского кролика с ушами. Предлагаю запретить ее печатать, а виновных штрафовать. Физических лиц на пять тысяч, юридических на пятьдесят. А чтоб непо-

вадно было!

– И из разговорной речи ее убрать? – рассеянно спросил отец и широко зевнул.

– Вот это – лишнее. Перегиб на местах. Просто снять две глупые точки из печати и точка. Нашему народу обязательно нужно что-то бессмысленное запрещать, чтоб чувствовал наличие государства вокруг себя. Чтоб начал тайком, ночами, в знак протеста вырисовывать ее на стенах домов и на заборах, чтоб запустилась долгая и горячая дискуссия в обществе. С привлечением академиков, депутатов…

– Ничего глупее в жизни не слышал, – перебил Владимира отец. – Тем более что «ё» и так уже практически не печатается.

– Больше ему не наливать, – добавил грубый Александр.

– Напрасно пренебрегаете, – заводился Володя, сверкая очками. – Народу нужны реформы, изменения. Согласен, буква «ё» – это только первый, совсем маленький, шаг к обновлению, к чистоте нашего общества, но надо же с чего-то начинать. Маленький шаг для человека, но огромный, может быть, шаг для человечества. Дальше стоит обратить внимание на двусмысленный, неприличный хвостик в начертании «ц» и «щ». Приглядитесь к этому сомнительному отростку повнимательнее. Что-то напоминает? Зачем же?

– Бабу тебе завести нужно, – предположил Александр. – Чтоб о хвостиках и точках меньше думал.

Водка, густой табачный дым и усталость притупили вни-

мание Эдуарда, его слегка тошнило. Он переводил взгляд с одного персонажа на другого, не в силах поверить в реальность происходящего. Сидящие за столом мужчины казались мультипликационными героями. Что это все значит?

* * *

Стрелки часов подползали к полуночи, глаза слипались.

Гости ушли, отец стелил сыну на раскладушке, принесенной из прихожей.

– Ты ложись, спи. Я сам уберу и помою посуду. Не думай, я действительно больше не пью. Так, позволил себе пару рюмочек по случаю дня рождения. Завтра воскресенье, я не работаю, – он вынес из-за стенки подушку и бросил ее поверх одеяла. – Готово, устраивайся.

– Это были твои соседи?

– Александр, который лысый, – сосед, а Володя в очках – старинный приятель. Он когда-то учился на филолога, преподавал в институте, так что ему простительно.

Около двух ночи Эдик проснулся от разборчивого шепота и увидел на потолке слабый колышущийся свет. Комнату наполнял запах ладана. Отец молился, стоя на коленях перед крохотной лампадкой и открыткой с изображением Иисуса. Его сгорбленная спина и опущенная голова вызывали жалость. Время от времени шепот стихал, тогда отец широко троекратно крестился и совершал затяжной поклон до каса-

ния лбом пола.

9

Он оглянулся на скрип раскладушки и тихо спросил:

– Я тебя разбудил? Извини, сынок, я почти закончил.

– Ничего. О чем ты молишься?

Отец не ответил сразу, постоял еще несколько минут на коленях – крестился и кланялся, потом натужно поднялся.

– Аминь! Что ты спросил? – он пододвинул стул и сел в изголовье раскладушки. Эдуард услышал его сорванное дыхание. – О своей душе, о тебе, о твоей матери, о дочери своей. Тяжело это все…

– У меня есть сестра? Не знал.

– Есть, но я с ней давно не вижусь. Потом оставлю тебе ее адрес и имя. Пусть у тебя будут. Может быть, когда-нибудь тебе захочется ее найти и увидеть. Мало ли.

Мужчины впервые почувствовали себя близкими, любящими родственниками. Ощутили невидимую, но могучую и неразрывную связь. Они были интересны друг другу.

– Я слышал, что ты в религию ударился, но не мог себе этого представить, – поделился впечатлениями Эдуард. – Чемпион области по боксу и вообще – и вдруг служит в церкви.

– Никуда я не ударялся, – с легким раздражением возра-

зил отец и заглянул в глаза сына, в которых дрожали отблески пламени. – Ты очень молод и не понимаешь. В жизни любого человека обязательно возникает потребность в Боге, возникает вера. Кто-то способен обрести ее смолоду, к кому-то вера приходит за минуту до смерти. Чем раньше это произойдет, тем лучше. После же смерти и вера и сомнение переходят в убежденность, поскольку каждый встречается с Богом лично. Поэтому для искренне верующих людей не существует смерти. Смерти нет, сынок. Существует некий переход, что-то подобное переезду в другую квартиру, к которому следует готовиться.

«Из этой квартиры действительно хочется переехать», – промелькнуло у Эдика. Ему вдруг захотелось сбить задушевный настрой отца.

– А я вот не верю в Бога. Атеистом жить как-то легче, – беспечно, с легкостью, присущей юноше, заявил он. – Ни тебе заповедей, ни тебе служб всяких и постов. Да и вообще, посмотришь на попов и священников, хотя бы по телевизору, – блеск, драгоценности. Церковь, как я вижу, что у нас, что в Европе занимается исключительно зарабатыванием денег. Не, я пока не готов к такому Богу. Как-нибудь так проживу.

– Как-нибудь не получится, сынок, – отец сделал еле заметное движение рукой к руке Эдика, как в детстве, но остановил себя. – Если ты не с Богом, значит, с дьяволом. Природа не терпит пустоты. Тот, кто отказывается быть на свет-

лой стороне, всегда оказывается на темной.

Они говорили шепотом, склонив головы друг к другу, так тихо, что в метре уже нельзя было бы ничего расслышать. Между репликами возникали продолжительные паузы, но никто никого не торопил.

– Знаешь, пап, я искренне хотел поверить. Когда ты нас бросил, извини, мне стало невыносимо плохо, хотелось даже руки на себя наложить. Вроде бы до твоего ухода я не нуждался в общении с тобой, а когда тебя не стало, то есть рядом, оказалось, что у меня украли всё. Лишили всего, и даже воздух высосали. Ну, ладно, дело прошлое. Тогда мама подсунула мне Евангелие от кого-то. Я стал читать, надеялся найти там нечто, что поможет мне пережить. Не поверишь! Я прочел и понял, что никогда уже не смогу уверовать.

– Отчего же?

– В Евангелии написано одно, а в жизни все наоборот. Читаешь, сравниваешь и диву даешься. Я тогда подумал, что если кто-то решит верующего человека отвратить от церкви, то достаточно дать ему почитать Евангелие. Посмотри, в наших церквях одни старики, старухи или какие-то слаборазвитые субъекты, которые и читать-то, наверное, не умеют. С такими священникам проще всего. Они способны всё воспринимать на слух и не сомневаться. Самое главное, они не желают узнавать то, что их может огорчить или как-то поколебать четкую линию собственных заблуждений. Такой, знаешь, своего рода клуб по интересам. Но человеку свойствен-

но ошибаться, значит, и сомневаться.

– Эррере хуманум эст.

– В каком-то смысле. Я читал и поражался – ничего из того, что проповедовал Иисус, не прижилось на нашей земле. Говорил же, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому в царствие небесное. И что же? Все только и мечтают, что о деньгах и богатстве. А подставленные щеки? И всякое разное другое несоответствие. Как там про зерна? Иное упадет на сухую землю и погибнет? Это про нас.

– Да, с этим трудно спорить.

– Я помню, тогда в церковь пошел, пробился к одному священнику после службы и спрашиваю, мол, как же так? Вот все это золото, иномарки поповские – разве об этом говорил Христос?

– А он?

– Он говорит, что к этим тонким книжечкам, Евангелиям, написаны тома комментариев, которые все нестыковки объясняют. Ступай, говорит, отрок, читай и не путайся под ногами, сейчас мне свадьбу отрабатывать, а за нее уже уплачено вперед.

– Венчание, – поправил отец и провел по бороде рукой.

– Без разницы. Я и отступил. Пошел и понял: больше не приду и комментарии читать не буду. Так расскажи мне, если ты верующий, как такое совмещается?

– Оно не совмещается, сынок. Оно отдельно существует. Отдельно от Бога.

– Что отдельно?

– Сейчас объясню. Если считать, что Евангелия действительно строго отражают жизнь Иисуса и две тысячи лет назад прочтение их пододвигало самого простого и необразованного человека покреститься, то, видимо, за прошедшее с той поры время жизнь так сильно поменялась и человек так сильно поменялся, что потребовались горы комментариев, описания жития святых и другой религиозной литературы, чтобы сохранить хоть какую-то актуальность и убедительность первоначальных текстов для современного человека. Протянуть связь между древними текстами и действительностью. Другого-то, по сути, ничего нет.

– То есть ты хочешь сказать, – сын привстал на локоть и их лица еще более сблизились, – что чем дальше наше время отдаляется от момента распятия Иисуса или возникновения Евангелий, тем дальше человек уходит от церкви?

– Не от церкви, а от Бога! – Свекольников-старший все больше возбуждался, было видно, что он давно вынашивал свои идеи, но некому было их изложить. – В церкви-то человек остается, – он сжал кулаки и поднял голову, как бы силясь на потолке отыскать наиболее убедительные и емкие слова. – Обрати внимание – на Рождество приезжают в храм большие чиновники в часах за сотни тысяч, в костюмах за десятки тысяч, крестятся и кланяются. Их лица лоснятся и выражают умиротворенность. Они довольны. Знают же, что нельзя себе роскошь позволять, тем более напо-

каз, когда в государстве есть сироты и малоимущие. Знают, но удержаться не могут. Первые Романовы в холщовой рубахе ходили молиться, Николай Второй в обычном мундире, а современные – в Бриони и Бригете. Шаг за шагом всё дальше и дальше от Бога. И народ за ними. И все пребывают в церкви под предводительством патриарха. И ведь не скажет он: «Как ты можешь жить в вызывающей роскоши? Как можешь до бесконечности набивать свои карманы и давать набивать карманы своим друзьям? Когда же вы все уже насытитесь, не пора ли уже поделиться, раздать свои неправедные богатства, хоть малую их часть, бедным и сиротам? Ведь бедность и богатство суть дело случая. На вас же люди смотрят и говорят: „Раз им можно, значит, и нам не запрещено“». Не сможет сказать, страшно ему, да и прежде себя нужно освободить от лишнего. Когда-то митрополит Филипп сказал Ивану Грозному: «Ты высок на троне, но есть Всевышний, Судия наш и твой. Как предстанешь на суд Его?» Понимаешь?

– Не очень, если честно.

– Это понятно, что тебе непонятно. Я и сам долго понять не мог. Почему я говорю: Бог и церковь существуют отдельно? Чем больше комментариев, тем меньше смысла в самом Писании. Комментарии убивают, подменяют первоначальный смысл, который был и без комментариев понятен старым людям. В своих проповедях Иисус часто обращался к притчам, в которых использовал пшеничное зерно. Так

вот, если Бог – это пшеничное зерно, то церковь, священство, иконостасы, книги религиозные – это то, что добавляют к зерну, чтобы сделать религию как пирожок с повидлом, вкусной и привлекательной. Так гораздо приятнее кушать и переваривается легче. Чтобы народ приходил и жертвовал деньги, покупал атрибутику. Но вот сколько в этом пирожке от того первоначального зерна, от Бога? Что-то остается, конечно, но понять ничего уже нельзя. Ложкой меда бочку дегтя не сделать слаще.

«Странные вещи говорит, – размышлял тем временем сын. – Хотя ничего удивительного. Зачем ему деньги? Зачем возможности и перспективы? Комнату, какую-никакую, он купил. На еду, должно быть, хватает, а других устремлений в силу преклонного возраста у него нет. Вот и выдумывает всякие бессмысленные теории. Пытается объяснить собственную бездарную жизнь – ни бизнеса, ни семьи, ни детей. Друзья и те какие-то чокнутые. Прожил пятьдесят лет, словно не жил. Никогда не понимал его отвлеченных умозаключений. Жаль человека, искренне жаль». Хлебные крошки, застрявшие в растрепанной бороде отца, отвлекали и раздражали Эдика.

– Так ты сам-то веришь или нет?

– Верю, конечно, но верю в Бога безо всякой шелухи, – увлеченно, опасаясь, что сын в любую секунду потеряет интерес, продолжал несчастный отец, – в Бога единого и ношу его всегда с собой. В себе. В церкви служу, но в церковь как

религиозный институт не верю. Там есть возможность, больше чем где бы то ни было, подумать о Боге и о себе, о народе и времени, в котором живу. Много грехов на мне, родной, боюсь, отмолить не успею, – он промокнул краем простыни намокшие глаза и благодарно улыбнулся. – Но знаешь, слышит меня Господь.

– И я думаю, что слышит. Ответь мне, ты счастлив?

– Сложный вопрос, сынок. Прежде надо определить, что есть счастье…

– А не надо ничего определять. Человек всегда знает, счастлив он сейчас или нет. По мне так: есть деньги – есть счастье.

– А я счастлив и без денег. Ты вот приехал, и любовь согрела меня. Чувствую, как каждая клеточка тихо поет. Смотрю в твои глаза, умиляюсь и радуюсь…

– Скажи, смог бы ты человека убить? – неожиданно спросил Эдик и, прищурившись, посмотрел на отца.

Роман Сергеевич обомлел, увидев, как лицо сына заменилось маской дьявола – черная сморщенная кожа, тонкие белые глаза, кривая нитка алых губ. Его отбросило, как от удара током, стул отскочил и упал. Вещи сына, развешанные на спинке, разлетелись по полу. Пораженный страшной догадкой, Свекольников-старший вглядывался в сына в надежде разглядеть шутку. Они замолчали, не дыша и замерев в ожидающих позах.

– Как же это, сынок? – дрожащим голосом прошептал

отец. – Нельзя никого убивать. Умоляю, не говори так и даже не думай, это страшный грех.

– А ради меня? Чтоб меня спасти? – нажимал сын.

– Что-то случилось? Тебе угрожает опасность? – Отец стоял словно парализованный, не в силах поверить в услышанное. Ему стало казаться, что весь его тщательно обустроенный мир вот-вот треснет и посыплется.

– Расслабься, пап, я просто так спросил. Юмор такой. Хотел чуть-чуть снизить пафос беседы. Извини. Объясни мне лучше, как можно быть счастливым среди всего этого? – сын обвел руками пространство комнаты. – Ты живешь в каком-то хлеву.

– Мы собираемся сделать ремонт везде, – тяжело дышал отец.

– И сто лет еще будете собираться! Когда-то ты сказал мне, что за плохой поступок нельзя требовать прощения, плохой поступок надо исправлять. Говорил? А сам что? Как улитка, залез в свою раковину, завалил в нее вход и сидишь в тепле и сырости без воздуха, отгородившись от такого страшного окружающего мира, и молишься пшеничному зерну. Много грехов на тебе, говоришь? Наверное, я не знаю. Видимо, последствия этих грехов кое-кому до сих пор не дают быть счастливыми, и понимание этого отравляет тебе ежеминутно жизнь и заставляет еще усерднее молиться. Молиться, молиться, молиться, лишь бы не вылезать на свет из своего спирального домика.

– Опять ты ничего не понял, – чуть раздраженно выдавил отец, стараясь рукой незаметно стереть наваждение со своего лица. – За свои грехи я сам отвечу, когда придет мой час. Вот ты приехал, и, смею надеяться, ненависть ко мне из твоей души уходит. Значит, принимаются мои молитвы. Значит, и вам всем, кто мне дорог, Господь поможет. Ты сейчас ругаешься и пугаешь меня, но я вижу, что ты меня любишь. Место прежней ненависти занимают сострадание и способность прощать, а это почти уже любовь.

– Так и есть, – Эдуарду вдруг стало стыдно за сказанные резкости. – Я долго ненавидел тебя, думал, никогда не прощу, а теперь ничего этого нет. Когда ехал в поезде, думал: а что если ты живешь в богатой квартире, счастливый и обеспеченный, и белый «Бентли» стоит под окном? Наверное, я бы возненавидел тебя еще больше и даже заходить бы не стал. Но увидел эту нищую комнату, тебя, несчастного, потерянного, жалкого, и что-то екнуло в сердце. Понял, как ты мне дорог именно своей неустроенностью, словно ты расплатился. Странно, правда?

– Странно и очень обидно. Понимаешь, если человек не способен быть счастливым в нищей, как ты говоришь, комнате, то он вообще не может быть счастливым нигде. А несчастный человек, я думаю, не умеет любить. Так что я счастлив, в том числе и от того, что у меня есть ты. Родительская любовь вообще штука странная. Родители всегда любят своих детей больше, чем дети родителей.

То ли это вытекала из глаз отца последняя водка, то ли он взял привычку плакать по любому поводу – слезы, как бурые божьи коровки, сбегали по его небритым щекам одна за другой. Он слушал сына всем своим существом, ожидая чего-то вроде прощения.

– Может быть, если б мы жили до сих пор вместе, любви бы и не было, – вслух размышлял Эдик. – Кто знает? Мне очень тебя не хватало все эти годы. Не хватало твоих длинных непонятных разговоров и споров. Ну, что ты, что ты, не плачь! Я же тебя люблю. Теперь мы обязательно будем встречаться и общаться. Я не хочу тебя потерять.

– Я больше не потеряюсь!

До утра отец тревожно просидел около тихо спящего сына, но тот страшный образ больше не проявлялся.

* * *

Следующим утром они с великой нежностью смотрели друг на друга через грязное стекло вагонного окна. Поезд тронулся, и Роман Сергеевич, потыкав пальцем правой руки в ладонь левой, приложил ее к уху: мол, звони. Эдуард, улыбаясь и кивая, похлопал себя по нагрудному карману, в котором лежал листок с адресами и номерами телефонов. Они договорились обязательно созвониться через неделю. Поезд набирал ход, и отец параллельно шагал по перрону, не отрывая взгляда от сына. Смутная тревога сосала под ложечкой,

словно он предчувствовал, что это их последняя или почти последняя встреча. Предчувствовал, но не хотел соглашаться. И еще, как и много лет назад, он понимал: слова о Боге, сказанные прошедшей ночью, сказаны впустую.

Москва давно осталась позади. Поезд плавно покачивался. Эдик смотрел на белые, озябшие поля, густые заснеженные леса, вдруг надвигавшиеся, словно желая напугать, вплотную к путям. На людей, стоящих на переездах и тупо провожающих поворотом головы каждый вагон. Эти люди, походившие на безликих кукол, словно и не жили, а так, ползали по неизвестным причинам. Живым себе казался только он сам, переполненный мыслями и планами. Обаяние ночных откровений с отцом рассеивалось. Эдуард погрузился в размышления.

Наверняка Маша ожидала от него следующего шага. Он это отлично понимал, но по известным причинам шагов пока не делал. Не станешь же, в самом деле, просить у матери деньги на ухаживания. Унизительная ситуация для двадцатипятилетнего мужчины. Чем больше он об этом думал, тем больше раздражался. Тех чаевых, что он получал от своих немощных клиентов, едва хватало на обеспечение себя. Если бы не рента квартиры Бабина и грядущий гонорар от Павла Баженова, вообще неизвестно, что бы он делал. Ощущение собственной ничтожности сводило с ума и вызывало приступы тихого бешенства. Он не хотел превратиться в копию своего отца – такого когда-то сильного и вдруг

такого слабого человека. Эти его слезы! Пожалуй, Эдуард стеснялся даже своей любви к нему, ненавидел себя за нее, усматривая тут собственную слабость и опасность заразиться, впасть в оправдательную жизненную философию. Если хочешь быть сильным и богатым, тебя должны окружать сильные личности, лучше, чтобы сильнее тебя. А отец? Что он может дать, чему научить? Молись «пшеничному зерну», не мой голову и довольствуйся малым? Лучше бы, наверное, его вовсе не было, прости Господи. Повидались, и ладно. Хотя… Может быть, он отпишет свою комнату, так что есть смысл поддерживать отношения с этим неудачником. Ну да и бог с ним! Если решил быть сильным и успешным, убеди в этом сначала себя, потом других.

Пора подумать о делах насущных.

Здесь, в случайном вагоне, среди случайных попутчиков, где никто его не знает, можно позволить себе обмозговать всё с исчерпывающей ясностью. Не ограничиваться рамками морали, религии или закона. Ну а что? Не обязательно же все задуманное немедленно выполнять. Просто пофантазировать, посмотреть на ситуацию незамутненным взглядом.

В минувшую пятницу Пашины покупатели должны были представиться бывшему полковнику, объяснить процедурные моменты и так далее. Завтра, в понедельник, планировалось подписание договоров. Потом, как объяснял Баженов, недели через две будет свидетельство о собственности. Для скорости он кому-то даст денег, его проблемы. Если, чи-

сто теоретически, вообразить, что старый Бабин неожиданно умирает, при этом квартира уже в ренте, то его странный полублизнец не будет представлять никакой опасности для их предприятия, а, следовательно, у Паши не будет повода требовать деньги обратно. Более того, сам факт жизни восьмидесятилетнего облученного старика вызывает большее недоумение, чем его продолжающаяся жизнь. Долг мести и элементарная справедливость требуют устранения этого нагрешившего сверх меры атавизма. Туда ему и дорога. Наверняка Паша согласится ускорить дело по старику. Думается, и дополнительные деньги за это стоит взять с покупателя. Кто знает, сколько лет он может прожить? К слову сказать, у Бабина есть хитрая шкатулка, в которой он, по-видимому, держит сбережения и какие-то ценности. Учитывая, что пенсионера посещает только он сам, ему и достанется шкатулочка. Архив Владилен Феликсович вроде бы ему, Эдику, обещал, а шкатулка – часть архива. Наследство. Нормально? Вполне! Появятся деньги – будет на что ухаживать за Машенькой. Она такая славная, красивая, нежная и доверчивая.

Теплая улыбка тронула его губы.

А дальше? Баженов предложил поставить ренту квартир с одинокими стариками на поток. Миллион, допустим, за адресок и подготовку жильца к договору – неплохо. Два таких кандидата уже просматриваются. Вот и будет всеобщая справедливость для того, кто достоин.

Он глубоко вздохнул и потянулся, выпуская нахлынувшее

воодушевление. Соседи по купе с удивлением посмотрели на него. «Извините, – ухмыльнулся Эдик, рассматривая синие точки, плавающие перед глазами. – Душно, голова закружилась».

10

– Ты в Москве с ума сошел? – Баженов отвернулся и, яростно размахивая руками, сделал несколько шагов в сторону от Свекольникова, потом снова подошел и тихо, но отчетливо проговорил: – Вытащил с утра для этого бреда? Ты мне ничего не говорил, а я не слышал. Не желаю иметь с этим ничего общего. И вообще, запомни: не делай того, что может к тебе вернуться, – он быстро вскинул и опустил глаза. – Мама на тебя в окошко смотрит, а ты старика прикончить задумал. Нехорошо.

– Я хотел, я подумал… – растерянно лепетал Эдик. – Тебе же ничего не надо делать, а денег можно получить дополнительно. Сто пятьдесят с лишним в год выходит. Он же и так зажился, мучается только. А сколько проживет еще? Три, пять лет? Экономия до семисот пятидесяти тысяч доходит.

– Сколько проживет, все его. Короче! Сегодня мы с ним идем к нотариусу, подписываем все бумаги, передаем деньги. Тебе завтра к Бабину?

– Да.

– Хорошо. Успокой его, чтоб не переживал. А эти глупости брось. Не марай рук, потом жить не сможешь. И вот что: еще раз я такое от тебя услышу – ты мне больше не друг. Знать тебя не желаю. Прощай!

Анна Вениаминовна сверху напряженно следила за перемещениями молодых людей по белому двору. Павел сел в служебную машину, а Эдуард быстро пошел на работу. Ей в какой-то момент показалось, что их горячий разговор вот-вот перерастет в драку, и выдохнула с облегчением, когда милицейская «девятка» укатила.

«Как бы этот Паша не втянул Эдика в свои темные дела, – подумала она. – Хорошо, что уехал, и хорошо, что они поссорились. От таких надо держаться подальше. У меня замечательный сын – работает, старается, не пьет и не курит, не водит дурных компаний. Скоро он повзрослеет и перерастет свои юношеские заблуждения. Скорее бы уже!» Мать ждала, что сын повернется, как обычно, на углу и помашет ей, но он прошел, не сбавляя шага, и не оглянулся. Дурные предчувствия снова заставили сжаться материнское сердце.

* * *

Так случилось, что Ирина Анатольевна оказалась на больничном, Елена Сергеевна Петрушевич – на территории, а начальница Вероника Витальевна уехала в управление. Эдуард и Маша оказались в кабинете вдвоем, и с каждой минутой

совместного пребывания напряжение в их молчании нарастало.

– Чего молчишь? Как съездил? – не выдержала девушка.

– Хорошо. Отца увидел. Впервые за много лет.

– Как он?

– Жив, здоров, Богу молится. Вроде бы отец, а по сути – чужой человек. Отец, но какой-то биологический.

Он старался не смотреть на Машу, делая вид, что очень занят отчетом. Она видела его забавное смущение, и что-то шаловливое, чисто женское подталкивало еще помучить его, поиграть, а заодно ускорить решение своего плана.

– Я тебе больше не нравлюсь? – она повернула голову в его сторону.

– Нравишься, просто я хотел… ну… мне нужно немного времени, чтобы одно дело закончить. Есть проектик у меня, – мямлил он, понимая, что действительно пора уже объяснить свою отрешенность. – Мы с ребятами вложились там… ну, не важно… и скоро должны быть деньги.

– Понятно. Эдик, ты мог бы меня сегодня проводить?

– На автобусе?

– Да.

– Конечно, извини, что я сам не догадался, просто…

– Я бы не стала тебя просить, мне неудобно, я все-таки девушка, но есть проблема. Понимаешь, там, в селе, ко мне пристает один. Встречает каждый день на остановке после работы, провожает до дома, навязывается в ухажеры.

Не знаю, как его отвадить. Достал! Лезет своими руками. Я ему сказала, что у меня есть парень в городе, а он не верит. Говорит: «Покажи мне его, а я его порву, как Тузик грелку».

– Твой парень, выходит дело, я? – Эдик ощутил, как трусливая дрожь охватывает его.

– Ну да.

– Только чтобы разобраться с этим ухажером?

– Нет, конечно. Я так и думала, что ты спросишь об этом, – рассердилась она. – Не хочешь помочь – не надо, я сама как-нибудь разберусь.

– Нет-нет, что ты! Я готов. Ты сказала – «порву», он что, такой отъявленный силач? Я могу взять баллончик на всякий крайний случай.

– Силач? – она засмеялась. – Доходяга, в половину тебя. К тому же пьяный все время. Просто он месяц как освободился. Нахватался на зоне блатной романтики, друзья у него какие-то авторитетные, дела какие-то серьезные, но сам по себе ничего не стоит. Так, «фонарь». Я бы могла отцу пожаловаться, тоже биологическому, но не хочу его впутывать в эти глупости.

Эдик много чего еще хотел бы уточнить про конкурента, но решил не показывать страха. Нет у тебя девушки – нет и проблем. Живешь себе ровно и спокойно, все известно наперед. Встречаешь препятствие – можешь его обогнуть, развернуться назад. Никто не оценивает твоей храбрости, готовности чем-то жертвовать, никто не диагностирует уро-

вень твоей любви и способности к подвигу.

Рабочий день закончился. Густой февральский снег продолжал свое вредительское дело. Молодые люди в старом, скрипучем и холодном автобусе ехали в злополучное Покровское. Она сидела у окошка, он рядом. Они смотрели в темное окно как в неисправный телевизор и молчали.

Настроение Эдуарда поправилось, когда ему позвонил Павел и сообщил, что все необходимые манипуляции с Бабиным прошли успешно.

– Да. Да. Я тебя понял, – Эдик весело косился на любопытную Машу. – Недели через две? Хорошо, спасибо. Да, я тебе завтра отзвонюсь.

Радостное предчувствие больших денег задело тонкую струну в его душе, и теперь все тело, как резонатор, ощущало легкую, приятную, непрекращающуюся вибрацию: «Сто тысяч! Эдичка, скоро у тебя будет куча денег, и это только начало! Ты молодец, умница, везунчик. Деньги, деньги, много денег!» Хотелось кричать от счастья.

– Это кто?

– Друг. По тому делу, о котором я говорил утром, – он открыто улыбнулся.

– И что там?

– Всё срослось. Однако пока ни слова, чтоб не сглазить. Надеюсь, все будет хорошо, – последнее «хорошо» он мелодично пропел.

– Можно поздравить? – она улыбнулась и обнажила два

ряда идеальных белых зубов. На ее щеках появились умилительные ямочки. – Или нет?

– Еще рано. Давай о чем-нибудь другом. Ты отца назвала биологическим – почему, если не секрет?

– Ах, это. Потому, что он пропадал где-то всю мою жизнь, а теперь, несколько месяцев назад, появился и живет с нами. Они давно встречались с матерью, он тут был в командировке, в итоге родилась я. Побыл и уехал с концами, чуть ли не в Молдавию, как мама рассказывает. Теперь вот вернулся из ниоткуда. Попросился жить, мать его приняла. Живет, бизнес какой-то у него в городе.

– Нормально зарабатывает?

– В принципе – да. Видел забор новый вокруг дома? Он поставил. Да и так. Нам хватает.

Чем ближе они подъезжали к селу, тем сильнее нервничал Эдик.

– Покровское, – объявил через плечо водитель.

– Пошли, – скомандовала Маша.

Покорный молодой человек вышел из автобуса, помог девушке сойти. С ними вышли еще человек шесть мужчин и женщин, которые толпой двинулись по тротуару в сторону, противоположную движению автобуса.

– Нам туда, – качнула рукой Маша через улицу в темноту. – Тут минут десять идти. Автобус в город будет через сорок минут, так что успеешь. Дай руку. Что-то мне не по себе.

Снег скрипел под ногами. Огни в окнах домов зажигались

и гасли. Редкие машины сдвигали парочку к обочине. Эдик внимательно всматривался в каждого встречного мужчину, но злодея опознал, когда Маша сильно сдавила его ладонь.

– Это он, – успела шепнуть она, и он засмотрелся, как свет рассеивается сквозь пар ее дыхания.

Парень оказался почти со Свекольникова ростом и вовсе не такой хилый. Он уверенно преградил молодым людям дорогу, сдвинул вязаную шапочку со лба на затылок, вложил в зубы сигарету и гнусаво произнес, гадко улыбаясь и чуть растягивая слова.

– Идут, как дети в школу! Маня, или я тебя не просил? Долги отдавать надо, подруга.

Тошнотный запах водки долетел до носа Эдуарда. Он внутренне сжался, прощаясь с мыслью, что все обойдется.

– Это твой парень? Прямо человек-паук. Я уже боюсь. Ты вот что, фраерок, сделай так, чтобы я тебя долго искал, и считай, что у тебя сегодня второй день рождения, – незнакомец взял паузу, чтобы кавалер оценил красоту и силу вступления. – Два раза говорить не буду. Чем пахнет? – вертлявый хулиган вытащил из кармана куртки раскладной нож и щелчком выпустил лезвие. Его зрачки бессмысленно вращались, ни на чем не фокусируясь. – Могилой пахнет, дубина!

– Обоснуй, – неожиданно для себя твердо заявил Эдуард.

Он подтянул перчатку на правой руке и, пока неудачливый ухажер закрывал отпавшую от такой дерзости челюсть и подыскивал эффектный ответ, коротким движением, по-

чти без замаха, сильно пробил в нее. Так когда-то его учил отец, изводя на домашних тренировках. Тогда Эдик ненавидел эти лапы, перчатки, замечания отца и свои сбитые кулачки.

Эдик почувствовал, как челюсть врага подалась внутрь, услышал глухой хруст и увидел остановившийся наконец взгляд своего соперника. Тот подогнул колени, выронил нож, сделал пару неверных шагов и нырнул в глубокий сугроб. Тут же попытался подняться, снова упал, удаляясь все дальше от дороги и все глубже закапываясь в снегу. Издали могло показаться, что человек радуется снегу, подкидывает его и купается в нем. Маша, раскрыв до предела глаза, таращилась то на Эдика, то на бывшего зека.

– Ну, ты вообще! – еле выдавила она и смахнула варежкой снег с длинных ресниц. – Это… жуть!

Он аккуратно поднял за лезвие нож побежденного, стряхнул с него снег, расстегнул сумку и бросил оружие внутрь. Дикая, незавершенная, поразившая его мысль пронеслась в мозгу.

– Пошли, Машенька, далеко еще? – он сам испугался произошедшего. – Жить будет.

– Близко. Эдик, послушай, зря ты его так. Он ведь теперь… я не знаю…

Объясняя все невысказанное, по тихому поселку прокатился срывающийся вой:

– Убью! А-а-а! Найду и убью тебя! Ответишь, змея!

Вопли перемежались длинными и путаными матерными тирадами, от которых душа героя уходила в пятки, кидалась в голову и снова в пятки. Постепенно истерика стихла, но молодой человек спиной чувствовал занесенную над ним беду.

– Кому это он? – попытался пошутить он. – Почему «змея»?

– Тебе, – коротко ответила девушка.

Путь обратно не занял и трех минут. Очередной полученный поцелуй не слишком радовал, и Эдик решительно стер его. Никто не подстерегал на дороге, то есть банда местных уголовников с цепями, ножами и битами должна, скорее всего, встретить его на остановке. Где ж его поджидать, как не на остановке? Однако на остановке ожидали только два приличных мужчины. Подошел автобус, они втроем вошли. Двери закрылись, но никто так и не кинулся на стекло, щелкая огромными зубами, не лупил палкой по крыльям и бамперу.

Попадая то одним, то другим колесом в глубокие выбоины, автобус пополз прочь из села. Эдик потер лицо руками, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Всё! Кажется, пронесло!

Севшие в Покровском попутчики заняли диван позади Свекольникова.

– Просто рекордные за этот год ямки образовались! – сказал один.

– И это еще не весна. Весной в каждой по могиле можно

будет организовать, – пошутил другой.

– Будут латать-перелатывать. Деньги на ветер. Если б я был…

– Султан?

– Премьер! Приказал бы все деньги, которые планируется потратить на ремонт и прокладку дорог, совершенно бешеные деньги, вложить в наш институт.

– И?

– Открыть тему: «Летающие автомобили для населения и перевозки грузов». Меня руководителем. Чем строить дороги, лучше строить автомобили, не требующие дорог.

– Точно, совместить две главные проблемы России – дураков и дороги – и решать их как одну. Дать дуракам деньги, чтобы не было дорог?

– Шикарная мысль! Лучше, чем мостить дороги дураками.

Они еще долго упражнялись в остроумии, переставляя два слова местами, но Эдик их не слушал. Нежданная победа над вооруженным противником, осознанная на облупившемся дерматине автобусного сиденья, укрепила его веру в себя.

От автовокзала к своему дому он шел спокойной походкой уверенного в своей силе человека. Ему нравилось это новое ощущение. Плечи сами собой развернулись, гордая посадка головы вызывала самоуважение. Именно так, по его мнению, должна выглядеть личность, присвоившая себе пра-

во на установление справедливости. Подлые, ничтожные людишки, как оскорбляющая грязь, должны быть вычищены, удалены, а их добро должно быть поделено между достойными. Между Эдуардом, например! Возможно, в этом есть некая миссия.

Только делать все нужно продуманно и красиво. В его сумочке нож с отпечатками бывшего зека. Пусть две задолжавшие Эдику личности отдадут свои долги. Один, старый, уже убил двух достойных людей. Другой, помоложе, вот-вот кого-то зарежет. Нужно просто помочь правосудию, убрать эту грязь с пути.

11

Следующим утром, во вторник, Маша взяла больничный и не вышла на работу. Эдик заволновался. Даже пожалел, что так неосмотрительно стер с себя очередной ее поцелуй. А вдруг последний? Отважился позвонить девушке на мобильный, и оказалось, что у нее всего-навсего температура под сорок. Пустяки! Но тревога не покидала его. Всему виной большой раскладной нож, вложенный в полиэтиленовый пакет. Он прожигал карман молодого человека и вызывал испарину.

Свекольников шел к Бабину. Что-то ужасное колотило в затылок, два раза он останавливался и обтирал лицо снегом, но дыхание не выравнивалось. Страх душил злоумыш-

ленника, заставляя поминутно ощупывать ладонью лоб и думать. Почему именно сегодня? Правило трех дней. К черту правила! Трусишь? Да, да, да, я боюсь! На поворотах Свекольникова слегка заносило из-за сильного головокружения. Его тошнило; казалось, в любой момент рвотные позывы вывернут его наизнанку. Остановившаяся тяжелая мысль о неизбежности того, что он задумал, и сомнения в необходимости, целесообразности как тяжелая чугунная каска давили на мозг. И все-таки он шел. Не обращая внимания на прохожих и машины, почти ничего не соображая.

Тревога более усилилась, когда Бабин долго не открывал. Эдик уже и звонил, и стучал, и голосом звал – тишина. Только минут через десять послышался тихий вопрос из-за двери:

– Кто?

– Эдуард Романович Свекольников, ваш ангел-хранитель! – отчеканил он, пытаясь вернуть себе бодрость. – Владилен Феликсович, ваше благородие, мне уходить?

Дверь открылась на длину цепочки, снова захлопнулась и вновь открылась.

– Быстро! – громко прошипел Бабин и отступил в сторону, не отпуская ручку двери. – Не мешкайте.

Эдуард боком протащился внутрь. За ним лязгнул замок.

– Вы перешли на нелегальное положение?

– Веселитесь? Воля ваша, а вот мне не до смеха. Идемте на кухню. Стойте, – старик на минуту припал к глазку и за-

таил дыхание. – Чувствую, там кто-то есть. Выше по лестнице за углом стоит человек, я вижу его тень и дым от сигареты. Эдуард, голубчик, это же совершенно невозможно. Я не могу спать, – они шли по длинному темному коридору квартиры. – Приезжал наряд милиции – никого. Они хитрые и осторожные. Вы азбуку Морзе, конечно, помните?

– Морзе?

– Да – точки, тире.

– Совсем не помню.

– Плохо. Тогда заучите: две точки – тире – две точки. Просто.

– «Две точки – тире – две точки», – повторил молодой человек. – Какая буква?

– «Э» – ваш инициал. Так будете звонить в дверь. Секретный код.

Мужчины разместились на кухне. Владилен Феликсович действительно выглядел неважно – перекошенное лицо, вздыбленные вокруг лысины редкие волосики, слипающиеся, красные от бессонницы глаза. Такими же беспокойными красными глазами глядел на него Эдуард. Они несколько секунд молча рассматривали глаза друг друга, как бы сравнивая, у кого краснее и беспокойнее.

– Все началось в субботу, – проговорил Бабин и закрыл рот, ожидая нетерпеливого вопроса «Что началось?», но Эдик понял маневр и упорно молчал, не смывая с лица ожидания. Вселенная погрузилась в тишину.

Первым не выдержал вежливый Эдик.

– Это всё?

– Что?

– Всё, что вы имеете сообщить?

– Они уже приходили, – и снова пауза (несносный старик). – Дважды!

– Куда? Послушайте, гражданин бывший полковник, вы или рассказывайте, или нет. Я на работе. Где ваши списки продуктов и медикаментов? Не задерживайте!

– У меня всё есть. Вчера меня возили к нотариусу заключать договор, и девочки всё купили. Мало того, они и подмели у меня, и вытерли пыль, даже в самых необитаемых местах. Замечательные люди! Но вечером, когда все ушли, ко мне в дверь снова стали звонить какие-то личности, – он натужно вздохнул и произнес измененным голосом, не размыкая губ: – Эдуард, за квартирой следят.

– Кто?

– Те, кто хотят ее отобрать.

– Ясно. Хорошо. Сидите здесь, не маячьте. Я незаметно повыглядываю на улицу. Будьте здесь!

Юноша выскользнул в прихожую и по пути в спальню вынул из кармана куртки свой ужасный пакет. Клинок длиной сантиметров двенадцать, на крепкой загнутой ручке.

Через минуту он вернется, подойдет сзади к старику, отвлечет его, скажем, на перелистывание очередной порции архива, занесет острое лезвие спереди под щетинистый ка-

дык, левой рукой плотно возьмется за лоб и рванет что есть сил слева направо и на себя. Эдик представил, как зеркальная сталь погружается в живую плоть, как с тонким звоном лопаются волокна живых мышц, как перерезаются аорта и трахея. Глаза старика выкатываются из орбит, он немощно пытается отбить нож, хрипит, выплевывая кровь и изумление. Красная жидкость из пореза толчками выбрасывается на стол с бумагами. Все вокруг постепенно окрашивается красным. В глазах красный туман, кровь на руках, ногах, одежде. Громко хрустнули шейные позвонки, и голова отделилась от туловища. Он видит отверстый беззубый рот, в котором запекся последний, самый главный вопрос…

– Эдик, – услышал он за спиной скрипучий голос, – ты куда пропал?

Свекольников резко обернулся. Никого. От неожиданности нож выскочил из рук незадачливого убийцы. Он попытался перехватить его коленом, но получилось только хуже. С оглушительным стуком оружие заехало под низкую кровать старика и ударилось о стену в глубине. Он ошалело стоял с пустым пакетом в руке, медленно соображая, что же теперь делать.

– Что там? – громко допытывался старик.

Рассохшийся стол заскрипел.

– Ничего, я зацепился за стул, – Эдик прятал ненужный пакет в задний карман. – Иду. Я никого подозрительного не увидел, – доложил он по возвращении, еле сдерживая уда-

ры крови в голове. – Чисто.

Он упал на табуретку и впился глазами в Бабина. Тот испуганно и издевательски улыбался, словно говоря: «Что, щенок, слабо?» Или показалось? Свекольников попытался продолжить прерванный разговор.

– Расскажите толком, что произошло-то? – Эдику казалось, что сейчас ювелирно отрезанная голова Бабина сама отвалится и он увидит анатомию сечения шеи. Но старик оставался жив и даже ободрился.

– Первый раз приходил один из них в субботу вечером, четвертого, – как ни в чем не бывало рассказывал пенсионер. – Второй раз – вчера. Они назывались моими братьями и требовали их впустить. Одного из них я хорошо рассмотрел в глазок – страшная рожа: нос огромный, глазки маленькие, злые, и лысый. Это бандиты. Я, конечно, не открывал и сказал, что позвоню в милицию. Эдуард, я знаю, меня хотят убить. Выпьете?

– Коньяк?

– Да.

– Доставайте. И лимончик прикажите.

Они молча выпили по маленькой серебряной рюмочке. Заели лимоном.

– Уверен, они скоро от вас отстанут, – поразмыслив, предположил Эдуард. – Как только выйдет свидетельство на собственность, скажете им через дверь, что квартира вам не принадлежит. Пусть сами проверят. Думаю, их интерес

охладеет.

– А ведь правда! – оживился старик. – Точно! Слава богу, вы помогли мне вовремя оформить эту ренту, – он еще выпил и оперся щекой на ладонь. – Вы извините меня, мой молодой друг, за излишнюю сентиментальность, но я каждый день благодарю Бога, что он послал мне вас.

– Вы же атеист!

– Обязательно. Но все-таки благодарю. Кстати, ортодоксальные атеисты народ читающий и думающий. Они кропотливо ищут доказательства своему атеизму, критически изучают религию со всех сторон, глубоко погружаются в тему и автоматически становятся верующими. Только человек, убежденный в существовании Бога, в его способности к всепрощению, может искренне, не опасаясь последствий, заявлять о своем полном атеизме, – он глотнул из рюмки. – Вы слишком молоды и пока не знаете, что такое глубокая старость. Представьте, что кто-то день за днем неумолимо гасит свет вокруг вас. Вы видите все меньше и меньше, теряете интерес к жизни, и единственное, что остается с вами, – ваши мысли, воспоминания. Чаще грехи и подлости. Они, как суровые кредиторы, обступают со всех сторон и строго требуют возврата долгов, которые вернуть нельзя. Хочется убежать от них, но бегство возможно только в небытие. Мне повезло, в моей жизни появились вы, единственный человек, способный разметать окутывающую меня тьму, дать глоток свежего воздуха и веру в жизнь.

Эдик представил, как Бабин, кряхтя, наклоняется, заглядывает под кровать и длинной шваброй выдвигает нож на середину спальни. Смотрит на него и все понимает. Потом звонит в милицию, дает показания, называет четко имя и время, обстоятельства и мотивы. Эдик стер со лба крупные капли пота.

– Мне скоро восемьдесят, все равно пора умирать. Все приличные люди давно в могиле, а я живу зачем-то, – расслышал он жалобный голос своей жертвы.

– Да ладно вам, вы еще…

– Лягу однажды на свою кроватку и уже никогда не встану, – он потянулся за графином. – Я чувствую беду, она все ближе и ближе с каждым днем.

– Вам не хватит? – Эдик попытался заслонить графин рукой, но старик оказался проворнее. – Такими темпами вы и до кроватки не доберетесь.

– Веселый вы человек, Эдуард Романович. Шутите и шутите все время. Мне же с этой квартирой с самого начала не повезло. Не совсем красивая история получилась с одним товарищем. Совсем некрасивая. В общем-то, квартира должна была достаться ему. Мой грех. Жена, конечно, запилила: давай иди, не сиди. Ладно, ее уже нет. А товарищ тогда же умер от несправедливости и подлости моей, сердце не выдержало. Получается, косвенно из-за меня. А потом мой сын погиб, разбился пьяный на машине. Меня словно специально не забирают, чтоб помучался. Вы уж простите,

что заставляю вас выступать в роли духовника. Я очень старый, мне трудно. Эдик, дорогой, не повторяйте моих ошибок, никогда не поступайте против совести. Совесть – наш внутренний бог, а бог часто бывает жестоким. Помните: придет время, и вы спросите с себя. Будете лезть на стену от горя и боли, да только без толку.

Не шевелясь и не дыша, Эдик слушал пьяную исповедь пропащего доктора наук, только взглядом провожал очередную порцию коньяка. «Я все перепутал, – догадался он. – Бабин никого не собирался убивать. Махинациями завладел квартирой, но не убивал же. Дед умер от собственной впечатлительности или, может быть, имелись какие-то болезни. Кто знает? В конце концов, право на месть имел именно он, а не я. Я же собираюсь убить его сознательно, чтобы поживиться из его шкатулки. Невероятная, невозможная, не имеющая оправданий подлость, с которой мне придется жить дальше. Подлость Бабина перешла ко мне, далее перейдет к другому, потому что я не остановил эту эпидемию, не смог переступить. Что-то на меня нашло, проклятый клоун из зеркала! Как я смогу дышать свежим, чистым воздухом, когда старик будет биться в судорогах и разбрасывать алую пену? Нужно придумать как достать нож. Достать и выкинуть».

– Цепочка такая образовалась, – фоном продолжалось нытье. – Эффект домино. Каждый из ушедших уносил с собой кусочек моей души, постепенно лишал мою жизнь смыс-

ла, толкая воспоминания о следующей гнусности. И никакие добрые дела теперь ничего не изменят, – он закрыл глаза и вдруг резко поднялся. – Хочу спать, я очень устал. Эдик, милый, оставьте меня. Приходите в четверг. Буду вас ждать.

На выходе старик остановил гостя, опять прилип к глазку, осторожно приоткрыл высокую дубовую дверь и выглянул на лестницу.

– Никого. Не забыли, как звонить? Попробуйте.

Эдуард позвонил.

– Всё верно. Удачи вам во всех ваших делах, Эдуард, и помните, что вы значите для меня.

Эдик почувствовал крепкий толчок в спину, услышал за собой хлопок двери и скрежет запираемых замков.

* * *

Вечером, закончив обход подопечных, Эдик вспомнил про Машу. Очень удачно она заболела. Когда выпишется, он в скорости будет с деньгами и сможет нормально ухаживать за ней. Попробовать получить деньги раньше? Он похлопал себя по карманам в поисках телефона. Нашел и позвонил Баженову:

– Паша, смог бы ты передать мне деньги до получения свидетельства? Очень надо. С девушкой познакомился, а я пустой. Отлично! Завтра или в четверг с утра сможешь? Не срочно. Просто я хочу ее навестить, она болеет. Да, да,

конечно. Ты извини меня за те глупости. Бес попутал. Тогда до четверга.

Очень хорошо, просто замечательно!

12

– Читай! – утром следующего дня начальница протянула Свекольникову листок бумаги. – Потом свои объяснения в виде служебной записки мне.

– Что это, Вероника Витальевна?

– Заявление. Ничего хорошего.

В заявлении, адресованном Веронике Витальевне, он прочитал: «Прошу Вас прекратить посещение моей квартиры вашим работником Свекольниковым Э. Р. в связи с тем, что приехал мой близкий родственник, который будет впредь ухаживать за мной. В ближайшее время я уезжают погостить к его семье под Тверь, вернусь в конце лета. От себя могу сообщить, что Свекольников Э. Р. относился к своим обязанностям халатно, обращался со мной неуважительно, в связи с чем прошу Вас исключить возможность его появления в моей квартире». Далее – подпись Бабина и дата, 7 февраля 2006 года.

– Откуда это?

– Вчера вечером принесли, а что?

– Тут все неправда. Я только вчера с ним расстался, и он сказал, что со страшной силой ждет меня в четверг, – о брате

Эдик решил не упоминать. – Ерунда какая-то. Ничего не понимаю.

– Вот завтра и разберитесь. Вы обязаны сдать клиенту ключи под расписку. Сходите, посмотрите, поговорите с ним. Действительно, странная история, и могут быть для вас негативные последствия. Объяснение напишите после посещения.

* * *

В четверг утром Баженов передал Эдику пачку красных купюр в количестве двадцати листов. Сто тысяч! Невероятные, невообразимые для него деньги. Вот они, лежат во внутреннем кармане. С работы позвонил Маше и выяснил, что температура ее хрупкого тела упала, более того, она выходит погулять и не против, чтобы он навестил ее после работы. Если повезет, они смогут сходить куда-нибудь. Она увидит, какой он щедрый и состоятельный человек.

В конце рабочего дня, отпросившись на час пораньше, Эдик в последний раз шел к своему бывшему подопечному.

Снег прекратился, но похолодало. Воздух сделался необычайно прозрачным и чистым. Свекольников вдыхал его полной грудью, всматривался в далекие огни и удивлялся их резкости. Принятые простые и очевидные решения, предвкушение скорого свидания с Машенькой, ясность и мороз очистили его голову. Бог с ним, с Бабиным. Наверное, он со-

шел с ума от самоедства. Надо сдать ему ключи, вызволить дурацкий ножик. Пусть живет, как хочет; Эдик сможет быть счастливым без мести. С чистой совестью и с деньгами. Никогда не поздно поменять планы.

Два коротких – один длинный – два коротких. Звонки отчетливо прозвучали за дверью.

– Кто? – услышал он странный голос.

– Свекольников, кто ж еще? Ключи пришел отдать.

Защелкали замки, пенсионер впустил Эдика в дом. В неосвещенной прихожей ему показалось, что пахнет в квартире как-то необычно. Как будто запах табачного дыма, и вообще что-то не так. Некурящий Эдик сразу улавливал запах сигарет. Радостное состояние сменилось тревогой. Бабин стоял и не трогался с места.

– Давай ключи, – сказал он твердым голосом и протянул раскрытую ладонь. – Где они?

Эдик постепенно привык к темноте, и разглядел светящиеся в полумраке острые и насмешливые глаза Бабина-младшего. В протянутой к нему ладони он вроде бы угадал тот самый нож, нацеленный в сердце. Нет, ошибся. Двойник шагнул ближе и повысил голос:

– Ну?

– А где Владилен Феликсович?

– Уехал. Я за него. Ключи давай, и свободен. Ты тут больше не нужен, забудь сюда дорогу.

– Он мне расписку за ключи должен. Я так не могу. А ку-

да это он, интересное дело, уехал? Он ничего мне не говорил! – упирался Свекольников, сжимая свой тяжелый правый кулак. В критические минуты отчаянное, безоглядное мужество посещало его. – И давайте без резких движений. Хорошо? Где Владилен Феликсович?

– Эдик, это ты? Извини, не признал. Помнишь тезку? – строгий голос вмиг сменился сиропным. Эдик разглядел кособокую черную улыбку.

– Помню, конечно.

– Я же и говорю, на лечении он, в госпитале. Вчера на скорой увезли. Можешь проверить по ноль три, если не веришь. Мы же вчерась встретились с ним, ну, само собой, выпили за встречу по чуть-чуть. Пошли воспоминания, фотографии. Он мне о своей жизни, я ему о своей. Сидели, рыдали. Ты не представляешь, как он расчувствовался, будто ждал меня всю жизнь. Так и сказал: «Я тебя всю жизнь ждал и надеялся». К ночи вдруг побледнел чего-то, поплыл. Я вызвал неотложку на всякий случай, его и увезли, несчастного. Сейчас уже все хорошо, мне позвонили. Из реанимации выписали в палату. Второй этаж, палата номер восемь, на двоих. Подозрение на инфаркт не подтвердилось. Допился, гад! Хочешь навестить? Адрес больнички дать? Или давай со мной, я через час выхожу.

– Адрес у меня есть, но навещать я, в общем-то, не обязан. Да и дела у меня сегодня.

– Не обязан – не навещай. А дела – это святое. Расписка

сегодня вечером будет у меня, так что приходи. Буду рад. Что-то еще? – в голосе младшего брата появились тревожные интонации.

– Ничего. Только странно все как-то.

– Приходи завтра. Гуд? Получишь свою расписку. Ключи вот сюда положи. Молодец. Или ты сомневаешься?

– Да нет. Просто, слишком много совпадений. Только вчера…

– Что?

– Ничего. Надеюсь, что все действительно так, как вы говорите. На всякий случай предупреждаю: я обязан сообщить запиской своему руководителю о том, что не застал подопечного и ключи передал его брату. В таких случаях служба сообщает участковому, а там на его усмотрение. Паспорт разрешите ваш?

– Не обязан, как ты говоришь. Ты не мент и не прокурор. И вообще, докладывай, кому хочешь, мне бояться нечего, у нас все честно. «Хоть поверьте, хоть проверьте», – неожиданно пропел он. – «Я вертелась, как волчок».

* * *

Свекольников быстрым шагом двигался в сторону автовокзала. Автобус в Покровское уходил через двадцать минут, а следующий только через сорок после него. Эдик срезал, где знал, путь, торопился, чтобы успеть купить цветов.

Время от времени он поглаживал себя по внутреннему карману, проверяя, на месте ли пачка денег. Теперь он богатый и счастливый. Деньги! Вот они лежат, и их можно тратить. Мысли путались. Следовало бы, конечно, вызвать милицию, если бы не тесак под кроватью. Не вариант. Вот же дурак! Не похож этот брат на человека, говорящего правду. Странный он и страшный, и голыми руками его не возьмешь. Пожалуй, лучше всего розы – огромный букет красных роз, как тогда, на день ее рождения. Она увидит и непременно обрадуется. Скажет: «И куда мне с ними теперь? Что я маме и папе скажу? Ты чего?» Смешная! Или хризантемы? Надо произвести впечатление на Машу и обязательно отдать половину пачки маме на хозяйство. Все-таки человек, который просто имеет некоторые средства, сразу начинает себя чувствовать увереннее и спокойнее, появляется самоуважение и респектабельность. Он напишет завтра объяснительную Веронике по поводу ключей, отъезда Бабина и странного брата, пусть сама решает.

В обнимку с пышным колючим букетом, укутанным в несколько слоев газет, Эдик катился в стареньком автобусе на свидание. Рабочий люд изо всех сил пытался скомкать и помять бесценный груз, но счастливый молодой человек, словно стальным обручем, обнял его руками и сопротивлялся. Блаженная, бессмысленная улыбка не сходила с его губ. Он мечтал о таком, о чем неудобно и рассказать, не замечая ничего вокруг и не следя за временем.

Вот и Покровское. Как и договорились, он подойдет к ее дому и позвонит на сотовый. Каждый шаг отдавался сладостным предчувствием начала чего-то необычайно долгого, приятного и обязательно светлого.

Свекольников не услышал, а, скорее, почувствовал, увидел спиной догоняющего быстрого человека с прутком арматуры в руке. Конечно, он давно должен был понять, что кто-то преследует его от остановки, если бы не был так глубоко погружен в свои мысли. Однако предчувствие опасности и неосвещенная пустынная улица заставили его снять с плеча сумку и переложить ее в руку. Сзади, совсем близко, хрустнула ледышка. Он вполоборота повернулся назад, заглянул себе за спину и узнал нападавшего. «Ты?» – успел сказать он, пока к голове летел, за тысячную долю секунды, длинный предмет, зажатый в руке человека.

Железный прут, продавив шапку, пришелся ровно посредине головы. Послышался страшный глухой треск. Если бы не цветы, он, может быть, и успел бы прикрыться, но бросить драгоценный груз оказалось выше его сил. Далекие звезды в морозном воздухе, огни в домах разом погасли, перестали существовать. Свекольников разбросал руки, сумка отлетела влево в сугроб, букет свалился под ноги. Он, как стоял, ровно, бесшумно упал спиной в снег, в стороне от тротуара. Из его ушей и носа потекла кровь.

Убийца далеко отбросил свое оружие и на четвереньках склонился над телом. Одно колено уперлось в букет, и шипы

больно впились в кожу. Его холодные, сильные пальцы ловко втекли под одежду жертвы. Появились документы и деньги, сразу же переложенные в карманы убийцы. Была еще сумка, но разве сейчас ее найдешь? Он снял перчатку и проверил на шее пульс. Что-то стукнуло. Жив? Показалось. Его всего колотило, как в лихорадке. На всякий случай он полез за ножом. Лучше дорезать. Так надежнее. Нож зацепился чем-то за карман и не хотел вылезать. Злодей, страдая от бешенства, рвал его и не мог достать.

Огромный, как теленок, веселый молодой дог, взявшийся неизвестно откуда, принялся скакать вокруг них. В какой-то момент он даже попытался наскочить на убийцу, воспользовавшись его позой. Нападавший почувствовал сильный толчок сзади и подумал: «Слава богу, пацаны не видят! Цветы еще эти».

– Рекс! – донесся громкий, раздраженный окрик совсем близко. – Что там? Фу! Ко мне! Фу!

Убийца резко повернул голову на голос, поднялся на ноги и черной молнией скрылся в подворотне.

Темное пятно, как неровный нимб, расползалось вокруг головы Эдуарда Свекольникова. Теплая кровь насыщала рыхлый, свежий снег. Вслед беглецу еле слышно заиграла мелодия – беспокойный звонок телефона, приглушенный одеждой.

Глава вторая
Николай Токарев

1

Подполковник Шаров Иван Иванович, молодой, высокий, подтянутый, с красивым умным лицом, имел привычку во время совещаний срываться с председательского места и ходить по кабинету. Так ему лучше думалось. Он заходил за спины подчиненным, вставал напротив и сверлил взглядом говорящих, создавая напряженную обстановку и дискомфорт у присутствующих. Каждый, кто брал слово или кого называл начальник, обязан был сразу подняться. Сесть обратно позволялось только после разрешения.

– Чему вы улыбаетесь, Николай Иванович? – Иван Иванович смешно насупил брови и впился глазами в подскочившего капитана. Шаров был убежден в необыкновенной силе своего взгляда.

– Никак нет, товарищ полковник, – грустно ответил капитан и обманул. Он действительно только что улыбался – не сдержался в ответ на смешную рожицу, показанную оперативником Кривицким, который сидел напротив Токарева, спиной к Шарову.

– Садитесь, – отреагировал начальник на умышленную ошибку подчиненного. Начальник уголовного рыска был падок на лесть. – Ждите, когда дойдет до вас очередь, и готовьтесь.

В городском отделе внутренних дел Шарова не любили. Слишком молодой подполковник, родственник губернатора, придирался к починенным и заносился перед начальством. Его назначили в отдел полгода назад и вскоре должны были перевести в Москву в главк на генеральскую должность, вслед за назначением губернатора в аппарат президента.

Токарев сел на место и закопался в своих бумагах, чтобы больше не видеть расстегнутую ширинку руководителя, из которой выглядывал уголок чего-то белого. Недостаток в одежде видели все, поскольку Шаров непрерывно передвигался. Лучше бы он сидел в своем огромном кожаном кресле под обязательным портретом и флагами. Этот белый уголок снижал значимость всего, что говорил подполковник, являлся своего рода компенсацией подчиненным.

– Докладывайте, Николай Иванович, как обстоят дела с колесами?

Шаров поймал выразительный взгляд Токарева ниже пояса, незаметно скользнул рукой, заступил за голову одного из присутствующих и вышел без недостатков в гардеробе. Он благодарно кивнул Токареву.

– Ищем, товарищ подполковник.

– Результаты?

– Пока, к сожалению, ничего.

– Что сделано?

– Работаем, согласно утвержденному плану. Замки на воротах гаража были вывернуты из петель. Опросили охранников ГСК, никто ничего не видел. Нашли пролом в стене, через который, видимо, производился вынос. Все следы занесены снегом, ничего не поймешь. Опросили местных гастарбайтеров: дворников, ремонтников и прочих – ничего. Прошлись по магазинам, торгующим колесами, и шиномонтажам в округе – никто не признался в покупке таких колес. Да и кому в феврале продашь ворованную летнюю резину «р-двадцать» на нестандартных дисках? Каждое колесо килограмм по двадцать. Тупик, – в качестве доказательства огромной работы Токарев перебирал в руках исписанные листки бумаги. – В этих гаражах постоянно что-то воруют. То инструмент, то колеса, то консервацию, то еще чего-нибудь. Я думаю, что если колеса не уехали из города, то весной мы их найдем.

– Весной? Вы смеетесь?

– Никак нет.

– Плохо работаете! Вижу, что вы рассматриваете кражу колес как пустяковое преступление, на которое не надо обращать внимания. Вы ошибаетесь, капитан. Это совсем не пустяк. Для нас нет незначительных преступлений! Заявление любого гражданина для нас сигнал к серьезной работе. Понимаете? Прошу вас остаться после совещания для индиви-

дуальной беседы. У вас всё?

– Никак нет, не всё! Еще есть изнасилование. Потом телесные повреждения и ножевые ранения. Плюс три угона автотранспорта на нашей группе.

– Что там?

– Работаем. Значит, по порядку, по изнасилованию…

– Кривицкий, вы непосредственно работаете по краже колес из гаража по улице Передовиков? – перебил Токарева Шаров.

– Так точно, товарищ подполковник, – медленно поднялся старший лейтенант. – Работаю.

– Какие соображения?

– Гастарбайтеры, скорее всего, под заказ вынесли, но у них ничего не узнаешь. Они общинами держатся, все друг друга покрывают, вербовать среди них невозможно.

– А если нажать?

– Они же не отказываются, народ безотказный и даже услужливый, но ничего не говорят. «Не знаю, не видел. Да? Как только что-то будет – сразу сообщу, товарищу начальник. Да?» – Кривицкий похоже изобразил акцент и манеру южан. – И тишина.

Начальник поморщился и кивнул следующему.

– Садитесь, старлей. Бардин, докладывайте.

* * *

Общее совещание закончилось. В кабинете остались Токарев и Шаров. Подполковник с почтением и осторожностью относился к следователю Токареву. Возможно, из-за разницы в возрасте (капитану недавно исполнилось тридцать шесть, а Шарову было тридцать три), трудно сказать. Что-то в нем было такое, что вселяло уважение. Токарев, среднего роста, среднего телосложения, с обыкновенным лицом, среди прочих выделялся шапкой совершенно седых, белых, волнистых волос. Седина прибавляла ему возраст, а крестьянская манера говорить неторопливо, взвешивая каждое слово, – солидности. Некая внутренняя цельность, основательность и вместе с тем простота вызывали у людей симпатию. Только маленькие, глубоко посаженные голубые глаза смотрели всегда весело и хитро, выдавая природный ум.

– Николай Иванович, вам же известно, чьи колеса подрезали? – подполковник сидел за приставным столом напротив Токарева и запускал на столе пропеллером карандаш.

– Говорят, любовницы нашего…

– Вот именно! – перебил подполковник и перестал крутить, вместо этого он теперь сопровождал каждое утверждение ударом тупой стороной карандаша по столу. – И он каждый день звонит и настойчиво интересуется. Когда? Почему до сих пор? Чем вы там вообще занимаетесь? Всякие другие вопросы задает. Он и фотографии колес нам передал, и заявление она написала. Что еще-то вашей группе надо?

– Иван Иванович, мы ищем, но вы же понимаете…

– Не понимаю, потому, что меня никто там не поймет! Вы что думаете, там кто-то дает мне говорить? Колеса должны быть найдены до конца следующей недели, лучше до дня Советской армии. Как хотите. Трясите таджиков, шиномонтажников, пусть землю роют. Откуда хотят, но колеса возвращают. Мне все равно, но приказ должен быть выполнен. Смотрите только, без коррупции и самоуправства. За такие вещи сейчас сразу из органов. Ясно?

– Те колеса по пятьдесят тысяч штука стоят!

– В Интернете уже по шестьдесят пять.

– К тому же они совсем новые и без примет.

– Тем лучше. Найдете – честь вам и слава. Не справитесь – не взыщите. Как вы это решите, меня не интересует, но преступление должно быть раскрыто в строгом соответствии с УК и УПК РФ, а имущество возвращено владельцу. Вопросы есть?

– А изнасилование, угоны и остальное?

– Тоже должны быть раскрыты. Всё, идите работать.

Токарев с отсутствующим видом поднялся.

– Сядьте, Николай Иванович. Чуть не забыл, есть одно дело. Простое. В субботу женщина принесла заявление о пропаже сына. Некто Свекольников Эдуард Романович, восемьдесят первого года рождения, уроженец нашего города, не женат, не судим, работник собеса. Ушел в четверг утром на работу и не вернулся. Я заявление вам отписал. Зайдите в канцелярию, получите. Организуйте проверку обстоя-

тельств. Опросите мать, коллег по работе, родственников, сами знаете, что делать. Дело открывать, думаю, нет оснований, так что подготовьте официальный ответ. И не затягивайте с этим. Давайте, работайте. Завтра утром жду отдельного доклада.

– По пропавшему парню?

– По колесам, капитан. Свободны.

* * *

Каждый понедельник, после традиционного совещания, повторялась одна и та же история. Токарев возвращается в кабинет своей группы, молча подходит к подоконнику, смотрит в окно. Те несколько минут, которые продолжается созерцание пейзажа, Николай Иванович борется с искушением написать рапорт об увольнении и наконец-то прекратить свои страдания. «Ну, напишу. Ну, уволюсь. Куда потом? Что дальше? – думает он. – Дальше ничего, кроме большого разгромного разговора с Валентиной о семейном бюджете. Надо пережить понедельник, будь он проклят!»

Оперативники, капитан Солнцев и старший лейтенант Кривицкий, перекладывают свои документы, ожидая начала утренней планерки и получения заданий.

– Ладно! – Токарев несильно хлопнул ладонью по подоконнику, обернулся, сказал с напускной бодростью: – Господа офицеры, все слышали директиву верховного командо-

вания? Приоритеты расставлены однозначно.

Офицеры приготовили блокноты, ручки и замерли в ожидании.

– Алексей Николаевич, – обратился он к пожилому оперативнику в очках, капитану Солнцеву. – Потребуются ваши связи, такт и деликатность. Есть мнение, даже уверенность, переходящая в твердую убежденность, что к краже колес и их последующему сбыту неизвестным, но заранее несимпатичным лицам причастны шиномонтажи вокруг улицы Передовиков. Понимаете меня?

Солнцев кисло кивнул.

– А раз так, необходимо встретиться с Вадиком Сысоевым и намекнуть ему, что если он отказывается выдать похитителей, продавцов и покупателей, то самое меньшее, что мы можем для него сделать, – позволить просто вернуть колеса или компенсировать стоимость украденного. За это мы замнем дело, и его бизнес продолжит работать, как прежде. Более того, мы не возражаем, если он сам разберется с негодяями, накажет их. Поставит, например, их на деньги. Разумеется, насилие исключается.

– Четыре колеса по шестьдесят пять? Это…

– Двести шестьдесят тысяч, – подключился к расчету Кривицкий.

– Ого! – заерзал Солнцев. – Немало!

– Согласен, – кивнул Токарев. – Так у него, слава богу, восемь точек и два магазина. Короче, до конца недели пусть

ищет, но в пятницу вопрос должен быть закрыт. Начальство настроено решительно, а встречать праздник со взысканием нам с вами ни к чему. Ясно?

– Ясно, Николай Иванович.

– Замечательно. После этого я прошу вас разобраться с заявлением о пропаже человека. Вот, Алексей Николаевич, заявление. Снимите себе копию. Там телефон заявительницы, матери. Созвонитесь с ней, поговорите. Опросите соседей, если успеете, сходите на работу. Начальство говорит, ничего хитрого тут нет, но мне интуиция подсказывает, что не так все просто с этим пропавшим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.